

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 34
ББК 67
Т33

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

Т33 «Тенденции развития современного государства и права»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (05 ноября 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 142 с.

ISBN 978-5-4379-0155-7

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Тенденции развития современного государства и права» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0155-7

Оглавление	
Секция 1. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	6
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН Амиреева Зауре Алдабергеновна	6
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия преступности в сфере экономики	10
ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 199.2 УК РФ, В СФЕРЕ ЖКХ Семенчук Василий Владимирович	10
Секция 3. Гражданское, жилищное и семейное право	20
ПОРЯДОК ОБРАЗОВАНИЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА Мищенко Марина Владимировна	20
НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ Пестряков Максим Викторович	25
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА Полунин Максим Владимирович	30
Секция 4. История государства и права России и зарубежных стран	35
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—XX ВЕКА Лазорин Кирилл Борисович Глушаченко Сергей Борисович	35
ОСНОВНЫЕ ШАГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I Лазорин Кирилл Борисович	38

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА НА ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 1917—1940 ГГ.) Соболев Юрий Викторович	41
К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА В РОССИИ Уткин Алексей Владимирович Глушаченко Сергей Борисович	45
Секция 5. Конституционное право	51
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОРМ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССОВ Андреева Любовь Александровна	51
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ Данилов Александр Владимирович Данилов Владимир Петрович	58
К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И СТРАНАХ СНГ Двойных Ольга Сергеевна Харитонов Владислав Игоревич	61
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА Злобина Наталья Николаевна Боков Юрий Александрович	74
МЕТОД АНАЛИЗА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ Малхасян Гаяне Арменовна	78
НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ИННОВАЦИЙ» И «МОДЕРНИЗАЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ Новикова Алевтина Евгеньевна Жорник Анна Максимовна	81

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ Хлуднев Александр Александрович Харитоновна Оксана Валерьевна	88
Секция 6. Международное право	96
ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН СНГ Андреева Любовь Александровна Богданов Анатолий Геннадьевич	96
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ Нурмаганбет ЕрмекТалантулы Накишева Махаббат Кенжехановна	101
Секция 7. Теория государства и права	110
О ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ Ищанова Гульнар Тулемисовна	110
Секция 8. Уголовное право	119
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ Ковалёва Мария Владимировна Дечева Силвия Дечева Мамин Андрей Сергеевич	119
ГРАНИЦЫ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ Ковалёва Мария Владимировна Дечева Силвия Дечева Мамин Андрей Сергеевич	123
ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА Кузнецова Ирина Александровна	126
К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ Ортиков Евгений Владимирович	135

СЕКЦИЯ 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Амиреева Зауре Алдабергеновна

*акад. доцент Академии экономики и права им. Жолдасбекова,
г. Талдыкорган*

E-mail: aigerka2012@mail.ru

Исследование причин совершения преступлений является объектом изучения таких юридических дисциплин, как криминология, уголовное право, правовая статистика и криминалистика. Для предупреждения и профилактики преступности, необходимо исследовать проблему причины и условий, способствующих совершению преступлений среди молодежи. Изучению причин преступности среди молодежи, посвящены разделы в учебниках по криминологии, написаны монографии. Несмотря на более углубленное изучение причин преступности, тема остается наиболее сложной, актуальной и дискуссионной [1]. Проблема изучения причин преступности и факторов, способствующих совершению преступлений является объектом исследования не только таких известных юристов России, как Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е., Гилинский Я.И., Бурлакова В.Н., Кузнецова Н.Ф., но и таких известных юристов Казахстана как Жадбаев С.Х., Алауханов Е.О., Рогов И.И. В связи с этим следует отметить, что в Республике Казахстан, особенно в последнее время, весьма интенсивно ведется научно — исследовательская работа по проблемам выявления причин преступности среди молодежи и его профилактики. Для этого обобщается опыт работы в этой области зарубежных стран. Тем не менее, в настоящее время имеется очень много нерешенных проблем, в плане устранения причин преступности среди молодежи. Они очень актуальны и требуют специального исследования. Проблемы устранения причин преступности среди молодежи, в той или иной степени нашли свое теоретическое осмысление в работах Алауханова Е.О., где отмечается

не только свое собственное понятие детерминации, но и указываются сравнительные анализы данного понятия других авторов. Труды таких ученых как Лунеев В.В., Кабанова П.А., Наджарова А., Сергеевского В.А. можно разделить на несколько групп — труды специально посвященной данной проблеме, и труды только лишь затрагивающие эту проблему [3]. Все это указывает на то, что проблемы детерминации преступности среди молодежи, привлекли достаточно большое внимание и среди ученых юристов и среди практиков. Труды, посвященные проблеме детерминации преступности среди молодежи, можно и разделить и по периоду, времени, в которых они были написаны. Например, детерминанты преступности среди молодежи в советское время и в наше время сильно разнятся. Очень мало работ, где проводился бы анализ причин преступности среди молодежи в условиях перехода к рыночной экономике.

Поэтому основные задачи, стоящие перед учеными — юристами, исследующими данную проблему являются:

- сравнительный анализ причин преступности среди молодежи, как в микросреде, так и в макросреде;
- изучить и научно обосновать меры борьбы с преступностью среди молодежи;
- определить основные направления борьбы с преступностью среди молодежи;

Эмпирическую базу выявления причин преступности среди молодежи должны составлять материалы практической деятельности органов внутренних дел, прокуратуры, материалы судебной практики, сообщения СМИ, информации Центра правовой статистики. Представители из комитета Генпрокуратуры по правовой статистике считают, что одной из причин роста уровня преступности в целом, возможно, является неэффективное распределение патрульно-постовых служб, проблемы с освещением улиц и отсутствием камер наблюдения в отдаленных районах городов. Решение проблем с освещенностью улиц и установка видеокамер на окраинах городов, может дать свои положительные результаты в плане снижения уровня преступности и среди молодежи. В настоящее время основными причинами преступности среди молодежи является низкое материальное положение, отсутствие собственного жилья, безработица и пьянство. В обществе растет разочарование, пренебрежение к моральным нормам и законопослушному поведению. Кроме того, для лиц, оказавшихся в определенных неблагоприятных для них обстоятельствах, отдельные черты характера, такие как низкое

сознание, невоспитанность, агрессивность, корыстолюбие могут привести молодого человека к совершению правонарушения. Например, с 22 января по 22 июля 2012 года согласно закону «Об амнистии в связи с 20-летием государственной независимости Казахстана» [2] из мест заключения было освобождено более 16,3 тысяч человек. Некоторые из них, оказавшись на воле, из-за отсутствия жилья и работы совершают новые преступления. Такая тревожная тенденция настораживает, тем более что почти 60 % изолированных от общества граждан достигли лишь 30-летнего возраста. Основные детерминанты носят экономический характер с корыстной мотивацией, оставшаяся часть связана с психологией насилия и агрессии. Серьезным негативным фактором среди молодежи является алкоголизация и резко возрастающая наркотизация, которые оказывают существенное влияние на рост преступности. В отдельном взятом преступлении причинами преступности среди молодежи, могут быть совершенно конкретные явления социальной жизни, которые связаны с поведением конкретной личности. Например, стремление улучшить свое материальное положение у молодежи, приводит к росту квартирных и других имущественных краж. В 2012 году среди лиц, совершивших преступления, около 70 % нигде не работали и не учились. Наряду с безработицей, среди трудоспособной части населения, общими причинами и условиями, совершения преступления являются: упущения в воспитательной работе в трудовых коллективах, учебных заведениях, семьях, пропаганда культа насилия в средствах массовой информации. Перечень негативных явлений в сфере экономики, культуры, которые могут стать причинами преступности среди молодежи, практически неисчерпаем. Для устранения причин преступности среди молодежи, целесообразно не только разрабатывать и внедрять конкретные меры, направленные на устранение причин преступности в отдельном регионе, но также проводить профилактику преступности в целом по стране. Для этого необходимо разработать комплексные программы по предупреждению и профилактике преступности среди молодежи. В программах необходимо в первую очередь, определить круг субъектов, взаимоотношения и их полномочия (правоохранительные органы и общественные организации). Все субъекты можно классифицировать как государственные, так и негосударственные, специализированные и не специализированные. Естественно, для многих субъектов функция профилактики и предупреждения не будут являться единственной, так как у них существуют свои основные функции. В Республике Казахстан на основе программ можно было бы создать

Ассоциации по предупреждению преступности среди молодежи, которые бы являлись государственно — общественной организацией. Полномочия Ассоциации можно закрепить в программе о профилактике и предупреждения преступности. Здесь необходимо умело использовать знание педагогики, психологии. Поэтому, в Ассоциацию необходимо привлекать работников образования, психологов и юристов. Самое главное, как в программе, так и в Ассоциациях необходимо разработать реальные механизмы поддержки молодых людей.

Комитетом по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан был проведен анализ статистических данных о состоянии преступности в стране за 6 месяцев 2012 года. Анализ показал о низкой эффективности мер, принятых государственными органами в борьбе с преступностью в Республике Казахстан. Наблюдается рост уличной преступности среди молодежи, нарушение общественного порядка и преступлений против собственности. Многие воспитательные мероприятия, проводимые государственными органами, не дают положительного результата. В этой связи, Канцелярией Премьер-Министра поручено Министерству внутренних дел совместно с заинтересованными государственными органами, местными исполнительными органами городов Астана, Алматы, областей, до конца 2012 года, на основе предложений межведомственной рабочей группы разработать и внести на рассмотрение Правительства новую редакцию Отраслевой программы, где должны быть указаны современные формы и методы обеспечения правопорядка и общественной безопасности, выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений.

Список литературы:

1. Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. Санкт — Петербург, 2002. 30 с.
2. Закон Республики Казахстан «Об амнистии в связи с 20-летием государственной независимости Казахстана» от 22 января 2012 года, газета «Казахстанская правда» от 11 января 2012.
3. Криминология. Учебник. Санкт — Петербургский государственный университет юридический факультет, под / ред. Бурлакова В.Н., Кропачева Н.М. — Москва, 2003. С. 30—39.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 199.2 УК РФ, В СФЕРЕ ЖКХ

Семенчук Василий Владимирович

*канд. экон. наук, преподаватель ДВЮИ МВД России,
г. Хабаровск*

E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

Статьей 199.2 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за сокрытие денежных средств, либо имущества, за счет которых в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и сборам.

В трудах отечественных авторов представлены уголовно-правовые и криминалистические характеристики преступления, предусмотренного данной статьей УК РФ [1; 9; 10; 11]. Между тем в недостаточной степени освещена оперативно-розыскная характеристика данного преступления, в том числе вопросы его выявления. При этом налоговые преступления, в частности преступление, предусмотренное ст. 199.2 УК РФ, являются высоколатентными, в связи с чем, трудно переоценить значение оперативно-розыскной деятельности в их выявлении и раскрытии.

В этой связи считаем необходимым провести анализ взаимодействия норм уголовного и налогового права, в том числе установить существенные признаки и момент совершения преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, после чего описать некоторые вопросы выявления данного преступления. В качестве базы исследования выбрана сфера ЖКХ, т. к. автор имеет определенный практический опыт работы по документированию налоговых преступлений в данной отрасли.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 под сокрытием денежных средств

либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов, следует понимать деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере [5].

Соответственно предпосылкой для возникновения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, является обращение взыскания налогового органа на денежные средства или иное имущество налогоплательщика.

В рамках полномочий, предусмотренных НК РФ, налоговый орган имеет право последовательно применить следующие меры по взысканию недоимки по налогам и сборам:

1. Направить налогоплательщику требование об уплате налога, сбора, пени, штрафа;
2. Принять решение о взыскании налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов за счет денежных средств на счетах налогоплательщика в банках и переводов его электронных денежных средств;
3. Принять решение о приостановлении операций налогоплательщика-организации по его счетам в банке и переводов его электронных денежных средств;
4. Вынести постановление о взыскании налога за счет имущества налогоплательщика;
5. Принять решение о наложении ареста на имущество налогоплательщика.

Данные мероприятия нельзя рассматривать изолированно друг от друга, т. к. они являются взаимодополняющими. Например, приостановление операций по счетам и арест имущества являются обеспечительными мерами, дополняющими соответствующие решения о взыскании недоимки. Сама процедура по взысканию недоимки по налогам и сборам подробно регламентирована главой 8 НК РФ «Исполнение обязанности по уплате налогов и сборов».

После применения вышеуказанных мер по взысканию недоимки налогоплательщик фактически утрачивает возможность самостоятельного распоряжения денежными средствами на своих расчетных счетах, а так же имуществом, на которое обращено взыскание. В данной ситуации действия налогоплательщика по распоряжению своими денежными средствами на иные цели, кроме как погашение недоимки по налогам и сборам, можно трактовать как сокрытие денежных средств.

Между тем, необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 855 ГК РФ при недостатке денежных средств на расчетном счете ряд

платежей являются более приоритетными по сравнению с уплатой налогов и сборов, которые отнесены к платежам четвертой очереди.

С целью уклонения от погашения недоимки по налогам и сборам налогоплательщиком, как правило, применяются следующие способы:

1. Использование распорядительных писем.

В данном случае налогоплательщик дает письменное указание своему контрагенту (покупателю, либо дебитору) направлять денежные средства на расчетные счета третьих лиц — свободные от обременений, наложенных налоговым органом. В этом случае денежные средства не поступают на расчетные счета налогоплательщика, что исключает возможность погашения задолженности по налогам и сборам.

2. Открытие новых расчетных счетов в кредитных организациях.

Принимая решения о приостановлении операций по расчетным счетам налогоплательщика налоговый орган исходит из сведений о расчетных счетах, предоставленных ему кредитными организациями и налогоплательщиками.

В соответствии со ст. 86 НК РФ банк обязан сообщить об открытии или о закрытии счета, об изменении реквизитов счета организации (индивидуального предпринимателя), о предоставлении права или прекращении права организации (индивидуального предпринимателя) использовать корпоративные электронные средства платежа для переводов электронных денежных средств, об изменении реквизитов корпоративного электронного средства платежа в электронном виде в налоговый орган по месту своего нахождения в течение трех дней со дня соответствующего события.

Таким образом, налогоплательщик, открывший новый расчетный счет в кредитной организации имеет временной промежуток в размере трех дней для совершения финансовых операций в обход обременений налогового органа. При получении информации от кредитной организации налоговым органом так же будет принято решение о приостановлении операции по новому расчетному счету налогоплательщика. Данный способ, как правило, используется при совершении краткосрочных финансовых операций.

Вышеперечисленные способы не являются единственными, но наиболее распространены на практике.

В конечном итоге сокрытие денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам наступит, когда налогоплательщик осуществит распоряжение денежными средствами в нарушении очередности платежей, предусмотренных ст. 855 ГК РФ при наличии

мер по принудительному взысканию задолженности, принятых налоговым органом.

С целью выявления признаков преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ необходимо обладать сведениями по следующим направлениям:

1. Наличии задолженности по налогам и сборам и мерах по ее принудительному взысканию;
2. Способах сокрытия денежных средств и иного имущества от погашения задолженности по налогам и сборам.

Получение сведений о задолженности организаций по налогам не является проблематичным — подобные данные консолидируются в информационных базах налоговых органов.

Второе направление является наиболее трудоемким и требует проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий. Выбор сферы ЖКХ в качестве объекта исследования в данном случае обусловлен сложившимися особенностями финансово-хозяйственной деятельности, позволяющими упростить выявление противоправной деятельности.

По мнению автора, основными субъектами в сфере ЖКХ в настоящее время являются:

1. Поставщики коммунальных услуг: организации занимающиеся водо-, тепло-, энерго-, газоснабжением (далее — поставщики);
2. Организации, занимающиеся содержанием и текущим ремонтом жилья: управляющие организации, товарищества собственников жилья, жилищные кооперативы (далее — управляющие организации);
3. Потребители жилищно-коммунальных услуг: население, государственные, муниципальные, частные предприятия (далее — потребители).

Взаимодействие между поставщиками, управляющими организациями и потребителями как правило осуществляется с использованием платежных агентов — организаций, выполняющих функции расчетно-кассовых центров. В Хабаровском крае к подобным организациям можно отнести МУП г. Хабаровска «Расчетно-кассовый центр по приему коммунальных платежей», ООО «СОБР» (г. Бикин), ООО «Жилкомсбыт» (рп. Ванино), ООО «Межпоселенческая сбытовая организация» (рп. Чегдомын) и другие.

Согласно п. 64 Постановления Правительства РФ от 06 мая 2011 № 354 [6] потребители вправе при наличии договора, содержащего положения о предоставлении коммунальных услуг, заключенного с исполнителем в лице управляющей организации, товарищества

или кооператива, вносить плату за коммунальные услуги непосредственно в ресурсоснабжающую организацию, которая продает коммунальный ресурс исполнителю, либо через указанных такой ресурсоснабжающей организацией платежных агентов или банковских платежных агентов в том случае, когда решение о переходе на такой способ расчетов и о дате перехода принято общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, членом товарищества или кооператива.

Деятельность платежных агентов осуществляется на основании агентских договоров, заключенных с поставщиками или управляющими организациями. По агентским договорам с поставщиками агент осуществляет начисление и сбор платы за поставленные коммунальные услуги, т.е. денежные средства потребителей поступают на расчетный счет агента, а затем за вычетом агентского вознаграждения перечисляются на расчетный счет поставщика. По агентским договорам с управляющими организациями агент осуществляет начисление и сбор платы за содержание и текущий ремонт жилья, а полученные от потребителя средства так же аккумулирует на своем расчетном счете.

В этом случае, если предприятие сферы ЖКХ (поставщик, управляющая организация), осуществляет сокрытие денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам, сведениями о данной деятельности будет располагать платежный агент. Без распорядительного письма налогоплательщика платежный агент не сможет осуществить перечисления денежных средств, причитающихся налогоплательщику, на расчетные счета третьих лиц. Таким образом, упрощается возможность сбора информации о сокрытии денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам.

В общих чертах алгоритм обнаружения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ в сфере ЖКХ можно выразить в виде следующих оперативно-розыскных мероприятий:

1. Проведение ОРМ «наведение справок» — в налоговом органе по месту постановки на налоговый учет налогоплательщика необходимо истребовать:

- сведения о начисленных и уплаченных налогах (балансы расчетов);
- сведения о задолженности по налогам и сборам;
- сведения об открытых (закрытых) расчетных счетах;
- сведения о проведенных выездных и камеральных налоговых проверках, по результатам которых было принято решение о привлечении к налоговой ответственности;

- требования об уплате налога, сбора, пени, штрафа;
- решения о взыскании налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов за счет денежных средств на счета налогоплательщика в банках и переводов его электронных денежных средств;
- решения о приостановлении операций налогоплательщика-организации по его счетам в банке и переводов его электронных денежных средств;
- постановления о взыскании налога за счет имущества налогоплательщика;
- решения о наложении ареста на имущество налогоплательщика;
- инкассовые поручения, выставленные на расчетные счета налогоплательщика.

2. Проведение ОРМ «наведение справок» — в кредитных организациях (банках) истребовать справки о движении денежных средств по расчетным счетам налогоплательщика. При этом в ходе наведения справок необходимо учитывать ограничения, установленные в отношении банковской тайны [15; 16].

3. Провести анализ имеющейся информации с целью определения финансового посредника, с которым у налогоплательщика заключен агентский договор.

4. Провести ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» — у налогоплательщика осуществить изъятие документов финансово-хозяйственной деятельности подтверждающих сокрытие денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам (переписка (распорядительных писем), платежные поручения, документы по взаимоотношениям с третьими лицами, в адрес которых осуществлялись перечисления), а так же документов, подтверждающих осведомленность налогоплательщика о задолженности по налогам и сборам (требования об уплате налога, сбора, пени, штрафа, решения о взыскании налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов за счет денежных средств на счета налогоплательщика в банках и переводов его электронных денежных средств, решения о приостановлении операций налогоплательщика-организации по его счетам в банке и переводов его электронных денежных средств, постановление о взыскании налога за счет имущества налогоплательщика, решение о наложении ареста на имущество налогоплательщика).

5. Провести ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» — у платежного агента осуществить изъятие документов финансово-

хозяйственной деятельности по взаимоотношениям с налогоплательщиком, а именно: агентских договоров, переписки (распорядительных писем), актов сверки и др.

В настоящее время проведение данного ОРМ в форме гласного обследования урегулировано Приказом МВД России № 249 от 30.03.2010 [8]. Между тем, некоторыми авторами отмечаются дискуссионные моменты по поводу его правовой регламентации [14, С. 30].

6. Силами отдела документальных проверок подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России провести ОРМ «исследование документов» с целью установления размера денежных средств, сокрытых от погашения задолженности по налогам и сборам.

Исходя из примечания к статье 169 УК РФ, под крупным размером следует понимать стоимость сокрытого имущества в сумме, которая необходима для погашения задолженности, превышающей полтора миллиона рублей.

7. Провести ОРМ «опрос» — получить объяснения от руководителя налогоплательщика, а так же лиц, осведомленных о его противоправной деятельности (сотрудники бухгалтерии налогоплательщика, руководство финансового посредника, сотрудники бухгалтерии финансового посредника, представители третьих лиц, в адрес которых осуществлялись перечисления).

Перечень указанных ОРМ не носит исчерпывающий характер и направлен в первую очередь на установление объективной стороны данного противоправного деяния — т. е. самого факта сокрытия денежных средств.

Между тем, в случае обнаружения признаков состава преступления возникает трудность с реализацией сведений, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, т. е. принятием решения о возбуждении уголовного дела.

Ранее данная процедура в общем порядке регламентировалась совместным приказом органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности [7]. В п. 4 Инструкции, утвержденной данным приказом, указано, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

Однако, в связи с принятием Федерального закона от 06.12.2011 № 407-ФЗ [4] были внесены изменения в ст. 140 УПК РФ. В соответствии с ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьей 199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми

органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Материалы органов внутренних дел по фактам совершения преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, при направлении их в органы следственного комитета РФ не могут являться поводом для возбуждения уголовного дела.

В свою очередь обязанность налоговых органов направлять материалы в следственные органы предусмотрена ст. 32 НК РФ. В случае, если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора), направленного налогоплательщику (плательщику сбора, налоговому агенту) на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, налогоплательщик (плательщик сбора, налоговый агент) не уплатил (не перечислил) в полном объеме указанные в данном требовании суммы недоимки, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, соответствующих пеней и штрафов, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198—199.2 УК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Данная норма, на практике предусматривает направление материалов камеральных и выездных налоговых проверок, которые могут содержать данные, свидетельствующие о совершении преступлений, предусмотренных ст. 198—199.1 УК РФ.

Между тем сам факт сокрытия денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам наступает после того как истекает вышеуказанный двухмесячный срок. Кроме того, налоговые органы фактически и в соответствии со своими полномочиями не проводят налоговые проверки с целью выявления фактов сокрытия денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам. В ходе камеральных и выездных налоговых проверок подобные факты выявить нельзя, в связи с чем, согласно сложившейся практике выявлением данного преступления занимались органы внутренних дел.

В этой связи является необоснованным изменение поводов для возбуждения уголовного дела относительно преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ.

В данной ситуации является целесообразным на законодательном уровне, либо в рамках совместного приказа МВД и ФНС России

урегулировать вопрос о формах реализации сведений о преступлениях, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности.

В противном случае, у нерадивых налогоплательщиков появляется ненаказуемая возможность сокрытия денежных средств от погашения задолженности по налогам и сборам, что существенно снижает результативность проведения налоговых проверок и деятельности налоговых органов по обеспечению исполнения обязанности по уплате налогов и сборов в бюджет в целом.

Список литературы:

1. Бадзгардзе Т.А. Методика расследования сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов: автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. юр. наук. СПб., 2011.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 06 мая 2011 № 354. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17.04.2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 249 от 30.03.2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Петросян О.Ш., Артемьева Ю.А. Налоговые преступления: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
10. Соловьев И.Н. Налоговые преступления и преступность. М.: Издательство «Экзамен», 2006.
11. Соловьев И.Н. Преступные налоговые схемы и их выявление. М.: Проспект, 2010.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Ударцев С.Ю. Проведение гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в свете новой правовой регламентации // Оперативник (сыщик). — 2011. — № 3 (28).
15. Шмидт А.А. К вопросу о классификации ОРМ «Наведение справок // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Материалы Четвертой международной научно-практической конференции. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2006.
16. Шмидт А.А. Оперативно-розыскное мероприятие «наведение справок» и «профессиональные» тайны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Материалы Пятой международной научно-практической конференции. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007.

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ПОРЯДОК ОБРАЗОВАНИЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Мищенко Марина Владимировна

*аспирантка Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
г. Белгород*

E-mail: [Marineska @list.ru](mailto:Marineska@list.ru)

В 1993 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18.03.1993 г. № 351 «О торгово-промышленной палате Российской Федерации» [10] была сформулирована новая организационно-правовая модель торгово-промышленных палат. В последующем этот Указ был доработан в форме Закона Российской Федерации от 07.07.1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» [4].

В соответствии с Законом № 5340-1 торгово-промышленная палата является негосударственной некоммерческой организацией, объединяющей российские предприятия и российских предпринимателей [4].

Некоммерческие организации выполняют огромнейшую роль в формировании современного гражданского общества в России, становлении демократии, защите прав и свобод граждан. Все более заметным становится их вклад в решение общенациональных и региональных задач, связанных с развитием экономики и социальной защитой населения [3].

Торгово-промышленные палаты (ТПП) создаются в целях содействия развитию экономики Российской Федерации, ее интеграции в мировую хозяйственную систему, формированию современной промышленной, финансовой и торговой инфраструктуры, созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности, урегулированию отношений предпринимателей с их социальными

партнерами, всемерному развитию всех видов предпринимательства, торгово-экономических и научно-технических связей предпринимателей Российской Федерации с предпринимателями зарубежных стран [9].

В Российской Федерации торгово-промышленные палаты образуются на основе принципа добровольного объединения их учредителей, при наличии согласия ТПП России на создание палаты. Минимальное число учредителей, выступающих инициаторами создания торгово-промышленной палаты, не может быть менее пятнадцати [4].

Членами торгово-промышленной палаты могут быть российские коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, а также их объединения (ассоциации и союзы) [9].

Решение о согласии на создание торгово-промышленной палаты принимается Правлением ТПП России по представлению Комиссии Правления Палаты по вопросам членства в ТПП России [12].

В одних странах (США, Великобритания, Бельгия, Швейцария, Швеция, Индия и др.) торговые палаты организуются в форме частноправовых обществ и действуют на основе устава, разрабатываемого их членами. В других же странах (Франция, Италия, Финляндия, Австрия, Мексика, Турция и др.) торгово-промышленные палаты организуются в виде ассоциаций публично-правовой природы. Они организуются на основе существующих в данной стране законов о торговых палатах. Законы устанавливают требования, которым должен удовлетворять предприниматель, чтобы стать членом палаты (оседлость, занесение в торговый реестр, размер уплачиваемого налога). Иногда торговые палаты наделяются законом определенными административными функциями.

Встречающиеся в мировой практике различные виды торгово-промышленных палат могут быть обобщены в следующей классификации:

- местные (территориальные, региональные) палаты;
- национальные палаты;
- заграничные палаты;
- смешанные;
- Международная торговая палата (МТП).

Местные (территориальные, региональные) палаты создаются на уровне экономических районов, на территории административных и (или) государственных единиц (города, района, субъекта Федерации и т. д.). Они объединяют находящиеся в этих регионах предпринимательские круги.

Национальные торговые палаты распространяют свое влияние на всю территорию государства. Членами национальных торговых

палат являются наиболее крупные промышленники, коммерсанты, финансисты данного государства. В национальных торговых палатах обычно представлены местные торговые палаты.

Заграничные торговые палаты организуются национальными ассоциациями торгово-промышленных кругов одной страны на территории другой страны. В задачи заграничных торговых палат входит содействие экспорту товаров, капиталов, лицензий в соответствующие страны. Кроме того, они призваны изучать местный рынок, условия торговли и транспорта, торговую политику, законодательство, фирмы страны пребывания и представлять информацию фирмам своей страны как по отдельным запросам, так и через периодические издания. Заграничные торговые палаты выпускают различные информационные справочники, организуют справочные бюро. В их функции входит также подыскание контрагентов, оказание содействия экспортерам в их участии в ярмарках и выставках, ведение арбитража. Деятельность заграничных торговых палат осуществляется в тесном контакте с заграничными дипломатическими и коммерческими аппаратами своей страны. Некоторые заграничные торговые палаты субсидируются государством [2].

Смешанные торговые палаты создаются национальными организациями двух или нескольких стран в целях развития и укрепления торговых и экономических отношений между ними.

В международные торговые палаты могут входить коллективные члены — национальные, местные или заграничные торговые палаты и другие объединения, не занимающиеся предпринимательской (коммерческой) деятельностью, а также индивидуальные члены, осуществляющие предпринимательскую деятельность, — фирмы, компании и отдельные физические лица [5].

Торгово-промышленные палаты в Российской Федерации образуются на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, а также на территории одного или нескольких муниципальных образований субъектов Российской Федерации.

Торгово-промышленные палаты муниципальных образований субъектов Российской Федерации являются членами торгово-промышленных палат субъектов Российской Федерации, в которые входят данные муниципальные образования.

Организации и предприниматели, вступая в члены торгово-промышленных палат муниципальных образований субъектов Российской Федерации, не приобретают автоматически членство в торгово-промышленных палатах субъектов Российской Федерации, если иное не предусмотрено соглашением, заключаемым между палатами.

На одной и той же территории может быть образована только одна торгово-промышленная палата [5].

В настоящее время в России действуют 174 торгово-промышленные палаты. Они объединяют более 47 тысяч компаний и индивидуальных предпринимателей, около 350 предприятий и фирм, созданных с участием торгово-промышленных палат и образующих инфраструктуру обслуживания предпринимательства на региональном уровне, 16 зарубежных представительств в 15 странах мира, 5 смешанных палат, образованных с другими странами [6].

Торгово-промышленные палаты при взаимодействии между собой, с организациями и предпринимателями, а также при осуществлении своей деятельности должны соблюдать правила взаимодействия, принципы профессиональной и корпоративной этики, этических норм, предусмотренных Кодексом взаимоотношений торгово-промышленных палат в Российской Федерации, утвержденным Правлением ТПП России.

Торгово-промышленная палата имеет один учредительный документ — устав, который разрабатывается инициаторами ее образования. Устав должен предусматривать:

- наименование, цели, задачи и функции торгово-промышленной палаты;
- наименование территории, в пределах которой торгово-промышленная палата осуществляет свою деятельность;
- условия и порядок приема в члены торгово-промышленной палаты и выхода из нее;
- права и обязанности членов торгово-промышленной палаты;
- порядок образования руководящих органов торгово-промышленной палаты и их компетенцию, сроки их полномочий и порядок принятия ими решений;
- источники формирования имущества торгово-промышленной палаты;
- порядок внесения изменений и дополнений в устав торгово-промышленной палаты;
- порядок прекращения деятельности торгово-промышленной палаты.

В уставе могут содержаться и иные положения, относящиеся к деятельности торгово-промышленной палаты.

Законом установлено основное требование к уставам всех торгово-промышленных палат: они не должны противоречить уставу Торгово-промышленной палаты РФ. Оно направлено на достижение целостного единства системы торгово-промышленных палат,

на организационное обеспечение выполнения присущих системе целей и задач всеми объединяемыми ею элементами — отдельными торгово-промышленными палатами.

Для принятия устава учредители торгово-промышленной палаты созывают учредительный съезд (конференцию) или общее собрание. Кроме принятия устава на этом форуме образуются руководящие органы торгово-промышленной палаты [3].

Для приобретения прав юридического лица ТПП подлежит государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [9, с. 137].

В соответствии со ст. 9 Закона Российской Федерации «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» [4] и Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [11] решение о государственной регистрации торгово-промышленной палаты принимается Федеральной регистрационной службой Министерства юстиции Российской Федерации [7] или ее территориальным органом (далее — Федеральная регистрационная служба). На основании решения, принятого Федеральной регистрационной службой (ее территориальным органом), Федеральная налоговая служба (ее территориальный орган) в срок не более 5 рабочих дней со дня получения всех необходимых документов и сведений вносит в Единый государственный реестр юридических лиц соответствующую запись и не позднее одного рабочего дня, следующего за днем внесения соответствующей записи, сообщает об этом в орган, принявший решение о государственной регистрации торгово-промышленной палаты [8].

Список литературы:

1. Веремеенко В.В. Правовая система «Референт» Дата документа 14.04.2011 [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: portal@referent.ru 2012.
2. Герчикова И.Н. Международное коммерческое дело. М., 1996. С. 491.
3. Жилинский С.Э. «Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности)» Издательство НОРМА, 2000.
4. Закон Российской Федерации «О Торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» № 5340-1 от 7 июля 1993 года. // СПС «КонсультантПлюс».

5. Козырин А.Н. Постатейный комментарий Закона РФ «О Торгово-промышленных палатах в РФ». по состоянию на 1 августа 2001 года.// СПС «Консультант Плюс».
6. О системе ТПП РФ. ТПП РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: company@sberbank-ast.ru.
7. Положение о Федеральной регистрационной службе утверждено Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1315 // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4110.
8. Порядок взаимодействия федерального органа юстиции и федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять государственную регистрацию юридических лиц, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № 442 // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2589.
9. Сумской Д.А. Статус юридических лиц: Учебное пособие для вузов. Юстицинформ. 2006. С. 198.
10. Указ Президента Российской Федерации от 18.03.1993 г. № 351 «О торгово-промышленной палате Российской Федерации» // СЗ РФ 1993. № 12 Ст. 996.
11. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ 2004. № 11. Ст. 945.
12. Устав Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (утв. Учредительным Съездом ТПП РСФСР 19.10.1991) (ред. От 04.03.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Пестряков Максим Викторович

аспирант СВФУ

г. Якутск

E-mail: pestmax@yandex.ru

Государственная Дума РФ 18 сентября 2012 приняла в третьем чтении проект федерального закона № 632210-5 «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. Законопроектом вносятся комплексные изменения в Основы законодательства о нотариате, закон «О залоге»,

Гражданский кодекс РФ. С 10 января 2014 года вступает в силу глава VII.1. Основ законодательства о нотариате, предусматривающая создание Единой информационной системы нотариата (ЕИСН), представляющей собой автоматизированную информационную систему, оператором и собственником которой является Федеральная нотариальная палата. Назначением ЕИСН является автоматизация процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения информационного взаимодействия [8].

Особенности недвижимого имущества предполагают специальные требования к оформлению сделок, связанных с его оборотом. Для достижения цели сделки — перехода права собственности нужно не только фактически заключить договор, но и зарегистрировать его в органах, осуществляющих государственную регистрацию прав. Не последнюю роль в данном процессе играет нотариус, который осуществляет нотариальное удостоверение сделок, тем самым обеспечивая соответствие заключенного договора правилам гражданского оборота.

Несколько лет назад участие нотариуса в оформлении сделок с недвижимостью в Российской Федерации получило необязательный характер, и в настоящее время любой гражданин или организация могут заключить договор купли-продажи в простой письменной форме без присутствия юриста. В результате люди часто оказываются лишенными правовой защиты, которую обеспечивает нотариус, хотя основная деятельность нотариата как раз сводится к этому — обеспечению защиты прав граждан и организаций при заключении договоров, соглашений и иных документов.

Многие конфликты, связанные с недвижимостью, произошли именно потому, что стороны действуют не до конца понимая суть сделки. Просто в силу своей недостаточной юридической грамотности люди, зачастую, не могут дать правильную оценку документу и самостоятельно проверить текст договора.

В первом варианте проекта нового ГК РФ, внесенном на рассмотрение Госдумы, имелась норма об обязательном нотариальном заверении всех сделок, связанных с госрегистрацией перехода прав на недвижимость [3]. Стремление нотариата обеспечить себе некоторые преимущества в новом Гражданском кодексе встретило резкое противодействие бизнес-сообщества. Главы ТПП, РСПП, «Деловой России» и иных крупных организаций выразили несогласие с планируемым обязательным нотариальным заверением сделок с недвижимостью. В этом виде норма пережила первое чтение, но видоизменилась ко второму. Депутаты посчитали, что на ситуации

сделок между юридическими лицами норму можно не распространять. Это обусловлено наличием у юридических лиц штата юристов, на которых и возложены обязанности по составлению договоров и защите интересов данных хозяйствующих субъектов. У простых граждан такой защиты нет. Тем не менее, претензии к доработанному проекту сохраняются.

В случае принятия поправок, непосредственно нотариус начнет сдавать документы на регистрацию. Это должно снизить число мошенничеств в сфере недвижимости. Более того, вполне возможно, что расчеты между сторонами сделки станут в обязательном порядке проводиться через банковский счет нотариуса.

Клиентам эти услуги обойдутся ориентировочно в 0,75—1 % стоимости сделки. Кроме того, нотариус будет вправе выставлять отдельный счет за подготовку документов. Таким образом, во-первых, минимум на 1 % вырастет стоимость всех сделок. «Если будет нотариальное удостоверение, то у нас в 150 раз увеличатся затраты заявителя. Сейчас 1 тыс. рублей платим за госпошлину, а с 15 миллионов заплатим 150 тысяч», — отмечает председатель комитета по оценке и экономике недвижимости Торгово-промышленной палаты РФ Олег Скуфинский [7].

Многие участники рынка вообще считают, что нет необходимости таких кардинальных изменений. «Мы работали с недвижимостью при обязательном нотариальном оформлении, — отмечают в банке «Александровский», — и при его отмене почувствовали явное облегчение». Кстати, подчеркивают, что и при упрощенной процедуре никаких юридических проблем с обслуживаемой недвижимостью не случилось [9].

Эксперты также опасаются того, что нотариусу не удастся проверить юридическую чистоту владения собственности в связи с ограниченными кадровыми возможностями. Например, в случае введения обязательной услуги нотариус должен регистрировать две сделки в день, а для этого ему понадобится значительный штат помощников, к примеру, председатель СПРФ Петр Шелищ задает вопрос: «В стране ежегодно совершается до 2,5 млн сделок с недвижимостью, регистрируются права на примерно 70 млн кв. метров и возникает резонный вопрос: справится ли сообщество нотариусов с такой нагрузкой?» [4]. Следует отметить, что одним из ключевых инструментов для решения этой проблемы станет вышеупомянутая ЕИСН.

Как отмечают некоторые эксперты, например сопредседатель Союза потребителей России по юридическим вопросам Антон

Недзвецкий, нотариус не будет давать дополнительных гарантий при оспаривании сделки. Указывается, что существует ограниченный круг нарушений, за которые нотариус несет ответственность, при этом, если нотариус докажет, что при совершении сделки его ввели в заблуждение, он не будет нести никакой имущественной ответственности.

Автор считает, что здесь необходимо обратить внимание на такой основополагающий принцип нотариальной деятельности: беспристрастность и независимость нотариуса. Любой юрист, адвокат — это представитель одной стороны, он преследует интерес защитить конкретную сторону, с которой у него заключен договор на оказание юридической помощи. Составляя договор, сотрудники организации преследуют цель обеспечить интересы, прежде всего, организации, а не противоположной стороны. Нотариус же защищает всех участников договорных отношений. Эта беспристрастность как раз направлена на то, чтобы обеспечить защиту. Нотариус увидит в договоре неблагоприятные последствия, которые могут наступить для одной стороны из-за корыстных соображений другой. Договоры чаще всего так и составляются, чтобы защитить ту сторону, которая является автором этого документа.

Например, гражданин в банке заключает кредитный договор. Этот договор сейчас не подлежит нотариальному заверению, и гражданин может полагаться только на свою юридическую грамотность, свое знание вопроса, которое в достаточной степени имеется далеко не у всех. В итоге гражданин часто даже не читает этот договор, а если и читает, то он многие вещи не может понять. Банк — это структура, где работают специалисты, где просчитан каждый пункт договора.

Нотариус в силу закона обязан обеспечить защиту прав и интересов тех лиц, которые к нему обращаются. Своей печатью, удостоверительной надписью, действиями в процессе подготовки документов нотариус обеспечивает правовую защиту. В обязанности нотариуса входит предупреждение участников договора о смысле и значении совершаемого действия, о возможных последствиях, которые могут наступить для клиента в результате тех или иных положений документа. Иными словами, нотариус не просто ставит подпись и печать, во время удостоверения, составления нотариального акта он разъясняет правовое содержание документа, предостерегает о последствиях, которые возможны. Он также проверяет дееспособность гражданина и правоспособность юридического лица.

Следует отметить еще один важный момент. Нотариус несет имущественную ответственность за все, что делает. Если в результате нотариальных действий понесла потери какая-либо сторона принимаемого соглашения или сделки, она вправе потребовать от нотариуса возмещения причиненного ущерба в судебном порядке. В итоге нотариус находится под двойным контролем: с одной стороны — это клиент, перед которым нотариус несет имущественную ответственность за неправильные действия, с другой — это государство в лице вышестоящей региональной нотариальной палаты и органов юстиции, которые могут лишить его полномочий.

В сфере сделок с недвижимостью крайне высок уровень криминогенности, это упоминают многие представители правоохранительной системы, и их слова подтверждаются судебной практикой. Каждая пятая сделка, зарегистрированная Росреестром, оспаривается в судах. Из тех, что заверяют нотариусы, оспаривается только 0,07 % [1]. Более того, с введением ЕИСН и обязательной нотариальной формы договора, покупатели увидят реальную цену квартиры, а продавцы узнают, сколько на самом деле забрал риелтор. Оформление сделки практически полностью станет прозрачно. Прямо заинтересованные в проведении полной суммы через свой счет нотариусы снизят возможности проведения сделок по «серым» схемам. Для справки: в Петербурге на вторичном рынке риелторы оценивают долю «серых» сделок в 50—80 % [4].

Список литературы:

1. Глушенкова М. Пышные нотариусы // Журнал «Коммерсантъ Деньги», № 40 (897) 08.10.2012 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: www.kommersant.ru/doc/2039014 (дата обращения: 22.10.2012).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1, 2, 3 и 4. (Принят Гос. Думой 23.04.1994 года, с изм. и доп. по состоянию на 01.07.2012 г.) Москва, Рид Групп, 2012 г. — 576 с.
3. Крашениников П.В. Доклад на Открытом правительстве «Подготовка ко второму чтению проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: www.consultant.ru/law/hotdocs/20935.html (дата обращения: 21.10.2012).
4. Невинная И. Третий — лишний? // Российская газета. Федеральный выпуск № 5911 (238) 16.10.2012 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: www.rg.ru/2012/10/16/notarius.html (дата обращения: 20.10.2012).

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. (Утв. ВС РФ 11.02.1993 года № 4462-1, ред. от 05.07.2010) Москва, АСТ, 2011 г. — 144 с.
6. Проект Федерального Закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» № 47538-6 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=128204 (Дата обращения: 21.10.2012).
7. Свиткова А. АСИ просит Медведева не давать нотариусам право госрегистрации // Известия 21.09.12 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: www.izvestia.ru/news/535748 (дата обращения: 25.09.2012).
8. Федеральный закон «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Принят Гос. Думой 18.09.2012 № 166-ФЗ) [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=135992;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.6919390941038728 (Дата обращения: 23.10.2012).
9. Чубаха И. Нотариусы будут контролировать рынок недвижимости

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Полунин Максим Владимирович

*аспирант Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Московский государственный индустриальный
университет» (ФГБОУ ВПО «МГИУ»),
г. Москва*

E-mail: maximus9999@inbox.ru

Саморегулируемые организации в области строительства могут создаваться только в такой организационно-правовой форме некоммерческих организаций, как Некоммерческое партнерство. Это предусмотрено на законодательном уровне, а именно в Градостроительном кодексе Российской Федерации [3]. Законодатель, создав рамочный закон «О саморегулируемых организациях» [7], по мнению автора сознательно оставил возможность для урегулирования вопроса об организационно-правовой форме создания СРО именно для специальных законов по отношению к каждому направлению

деятельности и тому сегменту рынка, в котором создаются предпосылки для саморегулирования.

По мнению Басовой А.В. [1, с. 16], концептуальный подход к регулированию правового статуса СРО в различных областях экономики (обязательное или добровольное саморегулирование) состоит в том, что оно должно осуществляться только на уровне федеральных законов. Данное положение представляется вполне резонным в силу значимости общественных отношений, связанных с приобретением некоммерческой организацией прав и обязанностей по регулированию предпринимательской деятельности.

Государство снабдило правовое поле своеобразным кодексом СРО — Федеральным законом «О саморегулируемых организациях», но в процессе развития данного правового института законодатель будет принимать новые Федеральные законы, регулирующие вопросы создания и деятельности Саморегулируемых организаций в отдельных отраслях деятельности субъектов предпринимательской и иной деятельности.

Для получения статуса Саморегулируемой организации некоммерческой организации прежде всего необходимо зарегистрироваться как некоммерческое юридическое лицо в Министерстве юстиции Российской Федерации, которое отправит все документы в Федеральную налоговую службу Российской Федерации для внесения сведений в государственный реестр юридических лиц и только после этих действий информация о вновь созданной Саморегулируемой организации в области строительства вносится в реестр СРО, который ведет Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Некоммерческое партнерство до подачи всех необходимых документов для внесения в реестр СРО должно: довести количество членов до установленного в законе числа (количественный ценз), сформировать весьма крупный компенсационный фонд, создать необходимую структуру управления и деятельности СРО, а также подготовить и предоставить ряд документов.

Необходимо отметить, что в настоящее время выделяют два основных принципа, в соответствии с которыми формируются СРО: региональный и отраслевой. По региональному принципу объединяются строители, работающие в одном или нескольких соседних регионах (Санкт-Петербурге, Западно-Сибирском регионе, Алтайском крае, Вологодской области, Татарстане, на Камчатке и в других регионах); а по отраслевому — строители, работающие в одной

достаточно узкой отрасли строительства (атомная промышленность, дорожное строительство и т. д.) [5, с. 43].

Жесткий количественный ценз может привести к ситуации, когда строительные организации из отдаленных областей Российской Федерации, где зачастую две или три строительные компании являются монополистами на данном сегменте рынка, будут объединяться или вступать в СРО других регионов. С точки зрения Муромцева С.А. [6, с. 26] данное положение может привести к тому, что территориальная удаленность административного центра саморегулируемых организаций и строительных организаций от него, безусловно повлечет за собой временные и финансовые издержки строительных организаций, уменьшает оперативность двусторонней связи между саморегулируемой организацией и строителями, снижает степень контроля саморегулируемой организации своих членов. Также будут возникать ситуации, когда в отдельном районе попросту будет не хватать строительных организаций, которые «переехали» для вступления в СРО и осуществления своей деятельности в другие регионы. По мнению автора, эта тенденция только усилится в процессе развития такого правового института как Саморегулирование в строительной деятельности.

Из этого можно сделать вывод о том, что государство, передав свои функции по контролю в области строительства и т. д., не самоустранилось в регулировании данного вопроса, а, напротив, с максимально возможными условиями дало возможность профессионалам регулировать такой важный сегмент рыночной деятельности как строительство и непосредственно связанные со строительством виды деятельности под жестким контролем на этапе создания организации, которая будет осуществлять контрольную деятельность в данной области.

Лицензирование в строительстве и проектировании имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Безусловно, положительно то, что лицензирование предполагает, что участники строительного рынка должны соответствовать минимальным требованиям, которые устанавливает государство в целях обеспечения безопасности строительного процесса для окружающих и пользователей строительной продукции. С другой стороны, государство имеет дополнительные отчисления предпринимателей в бюджет. Однако проблема в том, что государство в лице своих административных органов сегодня не в состоянии обеспечить должный уровень контроля за тем, чтобы лица, имеющие лицензию, соблюдали обязательные положения, которые данная лицензия

предусматривает. Итогом развития этой невозможности становится отказ в реальной защите прав лиц, потерпевших от действий недобросовестных строителей. В случае причинения ущерба имуществу индивидуальных предпринимателей, организаций, которые выполняли изыскательские, проектные и строительные работы, может быть недостаточно для возмещения вреда. Вместе с тем субсидиарная ответственность органов, которые выдавали лицензию, исключается, поскольку в этом случае получается, что государство должно нести ответственность по обязательствам недобросовестных участников рынка [2, с. 54—55].

Взнос в компенсационный фонд, создаваемый с единственной целью — гарантировать ответственность своих членов-участников перед потребителями и третьими лицами, зачастую может быть «неподъемным» для организаций малого и среднего бизнеса, что повлечет уменьшение количества членов-участников СРО и монополизации строительного рынка крупными строительными компаниями. Автор считает, что законодателю следует провести некую черту в нормативно-правовых актах, которая будет ограничивать величину вноса в компенсационный фонд для субъектов малого и среднего бизнеса в зависимости от величины их уставного капитала и получаемой прибыли за последний отчетный налоговый год, а в случае с вновь созданными юридическими лицами — руководствоваться величиной уставного капитала, а не только в зависимости от объема выполняемых каждой из организаций строительно-монтажных работ, а соответственно, только от размера их прибыли, как считает Иванов А.В. [4, с. 110—111].

По мнению автора, дифференцированные взносы в компенсационный фонд в свою очередь могут привести к ситуации, когда крупная строительная компания будет создавать множество фирм-однодневок с целью создания новой СРО, эта проблема будет решаться, если ввести ограничение на количество организаций-участников СРО представляющих малый и средний бизнес, например шестьдесятю процентами, а остальные сорок процентов будут занимать крупные строительные компании. Для каждого региона это процентное соотношения должно быть различным в виду неоднородной экономической ситуации в субъектах Российской Федерации. Этот вопрос будут решать государственные органы совместно.

Необходимо также установить на уровне Федерального закона дополнение, предполагающее, что взнос в компенсационный фонд должен быть внесен организацией-членом полностью в течение трех месяцев после вступления в члены СРО. 70 % вноса должны быть

внесены в течение 30 дней с момента поступления, а остальная часть — не позднее трех месяцев с момента вступления в члены СРО. Данным абзацем стоит дополнить ч. 2 ст. 55.16 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

Несомненно, на начальных этапах развития саморегулирования будут возникать множество вопросов, которые будут урегулированы в процессе взаимодействия государственных органов со СРО, СРО — со своими членами, потребителями и СРО, а также потребителями и государственными органами.

Список литературы:

1. Басова А.В. Правовые проблемы приобретения некоммерческой организацией статуса саморегулируемой // Предпринимательское право. — М.: Юрист, 2008, № 1.
2. Булдаков Д.О. К вопросу о саморегулировании в сфере строительства. Юрист. М. — 2009. № 8.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 28.07.2012). — «Российская газета», № 90, 30.12.2004.
4. Иванов А.В. Саморегулирование строительной деятельности: развитие, вопросы, пути решения // Жилищное право, 2010, № 8.
5. Матиящук С.В. Правовой статус Саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования и строительства. // Законодательство и экономика, 2010, № 2.
6. Муромцев С.А. Особенности саморегулирования строительной деятельности в Российской Федерации // Право и экономика. 2008. № 12.
7. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «О саморегулируемых организациях». — «Российская газета», № 273, 06.12.2007.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—XX ВЕКА

Лазорин Кирилл Борисович

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета управления и экономики*

Глушаченко Сергей Борисович

*д-р. юрид. наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета управления и экономики
E-mail: kariera_karierist@mail.ru*

Многие юристы второй половины XIX в. полагали, что в целях обеспечения эффективности административного механизма следует всю полноту дисциплинарной власти в отношении всех чинов администрации подлежащего ранга вручить административным судам. В частности, анализируя западные модели административной юстиции, русские ученые пытались выявить в них положительные и отрицательные стороны и на этой основе разработать оптимальную российскую модель судебного контроля за действиями органов управления и чиновниками.

Теоретическое наследие русских юристов конца XIX — начала XX вв. сформировало единство мнений в вопросе о сущности и материально-правовой природе института административной юстиции. Однако единое понятие данного института отсутствовало как в дореволюционной России, так не дано в науке оно и в настоящее время. Административная юстиция — это правосудие по делам управления основанное на принципе разделения властей, представляющее собой деятельность по разрешению споров в сфере управления в строго определенном процессуальном порядке,

гарантирующее права и свободы граждан от неправомερных действий государственных органов и их должностных лиц.

Взгляды русских юристов конца XIX — начале XX в. На становление института административной юстиции имели разносторонний характер. Эти взгляды, возникали не беспочвенно. Особое внимание русские юристы уделяли зарубежному опыту. В частности, анализируя западные модели административной юстиции, русские ученые пытались выявить в них положительные и отрицательные стороны и на этой основе разработать оптимальную российскую модель судебного контроля за действиями органов управления и чиновниками. Многие юристы второй половины XIX в. полагали, что в целях обеспечения эффективности административного механизма следует всю полноту дисциплинарной власти в отношении всех чинов администрации подлежащего ранга вручить административным судам.

В юридической литературе того времени остро стоял вопрос о самой возможности существования института административной юстиции в самодержавном государстве. Либералы конца XIX в. рассматривали становление административной юстиции и обеспечение законности как один из этапов построения правового государства, не связанного с ограничением самодержавия [4, с. 525—530]. После 1905 г., ученые признали, что «развитие административной юстиции тесно связано в большинстве государств европейской культуры с переходом к конституционному строю» [5, с. 130].

Таким образом, в царской России административная юстиция еще не сложилась в эффективный и демократический правовой институт, который обеспечивал бы привлечение чиновников к судебной ответственности за их незаконные действия по службе. В специальной литературе того времени шло обсуждение вопросов о сущности, значении, правовых формах и организации административной юстиции в России [3, с. 113]. Одной из главных функций административной юстиции считалось направление в специальный орган административного иска с целью обжалования административного акта.

В ходе ведущейся дискуссии относительно административной юстиции высказывались различные, нередко диаметрально противоположные суждения. Одни авторы считали, что административной юстиции в России не было как «при царе», так и в советский период [12, с. 38—40]. Другие признавали существование ее отдельных элементов и структур в царской России и посвятили их изучению солидные исследования [7, с. 393]. Третьи рассматривали созданную после Февральской революции систему административной юстиции как одну из самых передовых на континентальной Европе [8, с. 1106],

а социалистическую административную юстицию как ее новый исторический тип, по классовой природе принципиально отличающийся от одноименного буржуазного института [1, с. 15]. Наконец, некоторые авторы, напротив, считают, что административной юстиции в СССР не было, как нет ее ныне и в Российской Федерации [2, с. 12].

Как и многие десятилетия назад, в настоящее время, ведя дискуссии о перспективах административной юстиции в России, некоторые ученые [11, с. 16—17] отрицательно относятся к идее создания особых административных судов и считают необходимым оставить функции судебного контроля за судами общей юрисдикции; другие же видят в системе административных судов важнейший фактор обеспечения прав и свобод физических и юридических лиц. Отсутствие базовых кодифицированных нормативно-правовых актов, составляющих законодательную основу административного права в России приводит к бюрократическому произволу.

Список литературы:

1. Бахрах Д.Н., Боннер А.Т. Административная юстиция: развитие и проблема совершенствования // Советское государство и право. — 1975. — № 8.
2. Бойцова В. Нужна ли нам административная юстиция? // Советская юстиция. — 1993. — № 7.
3. Гаген В.А. Административная юстиция: Конспект лекций. — Ростов-на-Дону: Тип. тов-ва Сивожелезов и Ко, 1916.
4. Градовский А.Д. Первый департамент Правительствующего Сената // Собрание сочинений: в 9 томах. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. — Т. VIII.
5. Дурденевский В.Н. Русская литература по административной юстиции // Вопросы административного права. — 1916. — Кн. I.
6. Коркунов Н.М. Очерк теории административной юстиции // Журнал гражданского и уголовного права. — 885. — Кн. 1.; Кн. 8; Кн. 9.
7. Корф С.А. Административная юстиция в России. — СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. — Т. 1. — Т 2.
8. Кулишер А. Административный суд в России // Право. — 1917. — № 29—30.
9. Лория В.А. Существует ли административная юстиция советском праве? // Правоведение. — 1970. — № 1.
10. Мирный С. (Шаховской Д.И.) Адресы земств и их политическая программа. — Женева: Украинская типография, 1895.
11. Петрова С.М. Рассмотрение в арбитражном суде дел, вытекающих из административных правоотношений: Автореф. дис ... канд. юр. наук. — М. 1998.
12. Сажина В.В. Административная юстиция: к теории и истории вопроса // Советское государство и право. — 1989. — № 9.

ОСНОВНЫЕ ШАГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I

Лазорин Кирилл Борисович

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета управления и экономики
E-mail: kariera_karierist@mail.ru*

Петром I были осуществлены реформы в области местного самоуправления, направленные, прежде всего, на усиление централизации местного государственного аппарата в интересах укрепления абсолютной власти монарха. Реформы подводили черту под многовековой историей самобытного, чисто русского самоуправления, способствуя не только ликвидации старого административно-территориального деления страны, приобщения к европейским институтам и традициям. При этом многовековой опыт древнерусского и российского самоуправления чаще всего не просто игнорировался, а «выжигался каленым железом», подменяясь каким-нибудь шведским или голландским образцом. Для эпохи Петра I было характерно усиление государственного вмешательства в быт народа и наряду с этим — противоречивые попытки вернуть к жизни самодетельность местных обществ. В отличие от европейской муниципальной практики, городское управление было организовано исходя не из интересов горожан, а из потребностей, в первую очередь, государства. Указом от 10 марта 1702 года [3, с. 231] упразднились губные старосты как выборные должностные лица из местного дворянства — губное самоуправление было ликвидировано. В каждом уезде формировались на выборной основе дворянские советы, действовавшие под руководством воевод, призванные совместно с последними осуществлять управление уездом.

В целях обеспечения контроля и борьбы со злоупотреблениями чиновников был учрежден Приказ тайных дел со значительными функциями и широкими полномочиями. В его задачи входили обеспечение слаженной работы механизма самодержавной власти, борьба за точное выполнение указаний царя, пресечение казнокрадства, злоупотреблений властью. Анализ деятельности по организации и собственно реорганизации и совершенствования государственной службы в тот период свидетельствует, что принимаемые меры носили эпизодический, бессистемный, не всегда продуманный характер, без должного правового обеспечения. По сути,

достаточно глубокое и продуманное реформирование государственной службы связано с именем и царствованием Петра I, в 1722 г. он ввел в действие подготавливаемый несколько лет «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины». Табель установил три иерархические, как бы параллельные лестницы чинов для гражданской, военной и придворной служб, по 14 ступеней в каждой. Известно, что каждое явление и процесс связаны с принятием и реализацией управленческого решения и имеет не только положительные, но и отрицательные моменты. В этой связи, позволим себе заметить, что Петр I ставил перед собой цель — создание «правильного» государства, при котором вся жизнь регламентирована и подчинена правилам, выстроена с соблюдением геометрических пропорций, сведена к точным, однолинейным отношениям... Идеал «регулярного государства»... вначале имел известные резоны, но очень скоро он породил одно из основных зол и вместе с тем основных характерных черт русской жизни — ее глубокую бюрократизацию [1, с. 22]. Таким образом, в массовом сознании произошло изменение понятий чувства чести, достоинства и произошла идеализация понятия «чин». Один из западных путешественников, посетивших Россию в царствование Павла I, метко заметил: «Здесь все зависит от чина... Не спрашивают, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин. Положение в обществе, измеряемое классами чинов, получило значение главной жизненной ценности» [4, с. 23]. Гражданин по мере поступления на службу становился элементом государства и его собственностью в течение всей своей жизни [1, с. 33].

В эпоху Петра I были также созданы органы, несвойственные русской традиции и исторической практике. Так, формировались ландграфы (название, структура и полномочия которых были заимствованы из практики аналогичных органов при присоединении к России Остзейского края) — выборные органы дворянского самоуправления, которые должны были при взаимодействии с губернаторами, назначаемыми царем, решать все дела территории. Потребность в усилении вертикали власти привела к новой административной реформе. Долгое время просуществовавшие уезды были ликвидированы. По шведскому образцу губернии были разделены на провинции и дистрикты, которыми соответственно руководили воеводы и земские комиссары. Земские комиссары избирались дворянством на один год. По окончании этого срока они должны были отчитываться перед съездом избирателей, которому предоставлялось право судить комиссара за служебные

упущения [2, с. 79]. Вслед за провинциальной реформой Петр I был вынужден вернуться к сословному управлению и реформировать его все по тому же шведскому образцу. В 1699 г. была создана Бурмистерская палата, считавшаяся по компетенции и составу сословно-государственным учреждением, формирующимся на основе выборов. Помимо бурмистерской палаты в конце XVII в. — в начале XVIII в. Петром I были созданы новые городские учреждения — ратуша, земские избы, которые формировались на основе выборов, но не были подотчетны избиравшей их посадской общине, а становились над ней, выполняя роль посредников между посадской общиной и центральной администрацией.

В ходе реформы 1718—1724 гг. был образован Главный магистрат — орган управления, действовавший как коллегия, которому были подчинены все органы городского самоуправления России. В городах были сформированы специальные органы управления городом — магистраты. Помимо магистратов, в городах существовали посадские сходы — органы местного самоуправления, которые созывались старостами, председательствовавшими на них. Старосты наделялись исполнительно-распорядительными функциями и несли ответственность перед сходом, имевшим право налагать взыскания на указанных должностных лиц. Таким образом, на рассматриваемый момент развития Российского государства, органы местного самоуправления и их должностные лица, формально имея статус выборных, фактически были зависимыми от центрального правительства. Существенные изменения в сложившуюся систему были внесены в результате проведения реформ второй половины XVIII в.

Список литературы:

1. Лотман Ю.М. Люди и чины // Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
2. Некрасов Е.Е. Государственная власть и местное самоуправление в России: опыт историко-правового исследования: Монография. М., 1999.
3. ПСЗ № I. Т. IV. № 1900.
4. Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской Империи. Л., 1977.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА НА ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 1917—1940 ГГ.)

Соболев Юрий Викторович

*аспирант Санкт-Петербургского университета
управления и экономики*

E-mail: jorik-7@yandex.ru

Современное российское законодательство содержит в себе комплекс норм направленных на развитие института права собственности в целом, его регулирование в зависимости от субъекта, объекта такого права и защиту правомочий собственника.

Статья 212 ГК РФ устанавливает правило о признании всех форм собственности, вместе с тем, указывая, на дифференциацию правового регулирования в отношении различных субъектов, а также подчеркивая равноправие всех собственников в защите его права собственника.

В соответствии со ст. 214 ГК РФ государственной собственностью в Российской Федерации является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации — республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам (собственность субъекта Российской Федерации).

Важно отметить, что ч. 2 ст. 214 ГК РФ буквально содержит механизм образования объектов государственной собственности в сфере природных ресурсов: «Земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью».

Вместе с тем в России долгие годы, как законодательно, так и в сфере правовой доктрины, решался вопрос о содержании права государственной собственности. В настоящее время представляется важным изучение вопроса о пределах государственной собственности, его институциональном ограничении в рамках закона. Исторический анализ позволяет углубить знания при изучении данной проблемы.

В соответствии с первыми декретами советской власти лес признавался общенародным достоянием Российской Социалисти-

ческой Федеративной Советской Республики (ст. 2 Декрета «О лесах» 1918 года [2, с. 373—379]). Важно отметить именно отправной момент понимания, вложенного в нормы советского законодательства, о собственности на лес. Статья 1 Декрета «О лесах» утверждала отмену всякой собственности на лес в пределах республики навсегда [2, с. 373]. По мысли данного нормативного акта Республика в лице своих органов, приобретала лишь полномочия управления и правильной организации обеспечения общества в целом (в том числе госпредприятий, учреждений, организаций), так и неопределенное число конкретных пользователей — крестьян, ремесленников, рабочих, иными словами населения, имеющего такую потребность.

В этой связи следует сделать вывод о том, что признание за Республикой права собственности на лес, Декрет «О лесах» 1918 года особенно подчеркивал публичный характер осуществления полномочий собственника органов Республики [2, с. 374].

Республика в лице центральных и местных органов власти осуществляла все полномочия собственника, распределив их по экстерриториальному признаку. Согласно ст. ст. 49,50 Декрета «О лесах» 1918 года уездные и губернские лесные органы соответственно заведовали лесами и определяли содержание пользования лесами, расположенными в пределах уезда, губернии, что означало на практике, осуществление всех полномочий собственника, в том числе владение и распоряжение [2, с. 376].

Центральные органы власти выступали контролирующим звеном, устанавливающим основные положения регулирующие складывающиеся в данной сфере общественные отношения: «Центральной власти Советской Республики предоставляется право определять размеры всей общей потребности народного хозяйства и удовлетворять таковую в пределах государственного плана хозяйства, как непосредственным распоряжением, так и распоряжением технических лесных и специальных местных органов Советской власти путем распределения между ними соответственных нарядов» (ст. 65 Декрета «о лесах» 1918 года) [2, с. 375].

Содержащиеся в Декрете «О лесах» 1918 года положения об обязанностях центральных органов указывают лишь имеющиеся обязательные полномочия, исполнение которых лежит именно на данных органах власти. Ограничение полномочий местных органов власти касалось в первую очередь их подконтрольность центральному управлению лесами Республики [2, с. 375—376]

Таким образом, Декрет «О лесах» 1918 года, носивший временный характер не содержал действительных ограничений в осуществлении прав собственника государства в отношении лесов.

Согласно, принятого после Декрета «О лесах», Лесного кодекса 1923 года все леса и предназначенные для выращивания древесины, а также нужд лесного хозяйства, отграниченные для того от земель иного назначения составляли собственность государства, и, тем самым, образовывали единый государственный лесной фонд, который делился по составу на леса общегосударственного и местного значения [2, с. 377]

Закон предусматривалось осуществление губернскими лесными органами лишь наблюдения за выполнением плана хозяйствования в таких лесах.

В соответствии со ст. 15 Лесного кодекса 1923 года ведение хозяйства в лесах государственного значения осуществляли соответствующие органы Наркомата земледелия [4, с. 112—121]

Однако в период 1920-х гг. система государственного регулирования лесными ресурсами приобретает особенность в виде наделения ряда крупных хозяйствующих субъектов полномочиями государственного органа, выступающего от имени, и в интересах государства (например, трест «Союзлеспром»). Здесь стоит указать положение Гражданского кодекса 1922 года, который устанавливал, что государственные предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке, выступают в обороте как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица. За их долги отвечает лишь имущество, состоящее в их свободном распоряжении, т.е. не изъятое из оборота (ст. 19) [3, с. 291].

В данном случае усматривается понимание роли государства в сфере управления общественными благами, сформированное и закрепленное в советском гражданском законодательстве и обоснованное учеными — юристами в последующем.

Б.Б. Черепяхин утверждал, что «широкое применение частного-правового выступления государства не только в отношении с частными лицами, но и в отношениях между отдельными его органами, показывает со всею очевидностью, с одной стороны — чисто формальное значение всего разделения права на частное и публичное, с другой стороны — высокую приспособляемость и гибкость частногоправовой формы построения правоотношений» [7, с. 219].

Совершенно точно определен принцип осуществления полномочий собственника М.Г. Масевичем в учебнике «Советское гражданское право», вышедшей в 1983 году: «Советское государство само определяет свои правомочия по управлению государственной собственностью и в каком порядке, в каких правовых формах она будет управляться» [5, с. 111].

Однако пагубность такого подхода была выражена в существовании так называемых «приписных лесов», о чем отмечалось в научной литературе конца 1980-х гг. [6, с. 62].

Таким образом, лесное законодательство советского государства в период 1917—1940 гг. не предусматривало действительных принципов осуществления государством полномочий права собственности лесными ресурсами, определяя лишь их компетенцию, а также порядок управления лесами.

Современными принципами лесного законодательства обозначены узловые моменты публично-правового характера регулирования лесных отношений. Четкое их соблюдение не только на практике, но и в самом контексте современного законодательства позволит достигнуть цели — удовлетворение потребности всех заинтересованных лиц, участвующих в подобного рода отношениях.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994, № 32, ст. 3301.
2. Декрет ВЦИК от 27.05.1918 «О лесах» // СУ РСФСР, 1918, № 42, ст. 522 (утратил силу).
3. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР, 1922, № 71, ст. 904 (утратил силу).
4. Постановление Президиума ВЦИК от 25.07.1923 «О введении в действие Лесного Кодекса, принятого II сессией X созыва 7 июля 1923 года» (вместе с «Лесным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР, 1923, № 58, ст. 564. (утратил силу).
5. Советское гражданское право / Отв. Ред. О.Н. Садиков. М., 1983.
6. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М., 1991.
7. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М., Изд-во «Статут».

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА В РОССИИ

Уткин Алексей Владимирович

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета управления и экономики*

Глушаченко Сергей Борисович

*д-р юрид. наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета управления и экономики
E-mail: kariera_karierist@mail.ru*

Суд с участием присяжных заседателей — суд присяжных — значительно более прогрессивное явление для того времени, чем суд с участием сословных представителей. Инициатива суда присяжных, как и самого освобождения крестьян, по признанию самих славянофилов шла из лагеря либеральных западников. Первый, кто осмелился публично заговорить о таком предмете как суд присяжных, был известный деятель крестьянской реформы Тверской губернии, предводитель дворянства А.М. Унковский, предложивший еще в 1858 году в крестьянском комитете в числе других реформ и суд присяжных [1, с. 13]. Честь первого предложения суда присяжных принадлежит Д.А. Ровинскому, тогдашнему московскому губернскому прокурору. Прекрасный знаток не только судебной практики, но и народной жизни, Д.А. Ровинский в дельной и остроумной записке опровергал все страхи и недомыслия о суде присяжных, которые навеваны были ложною мудростью кабинетных знатоков русского народа, никогда не выезжавших из Петербурга [1, с. 14].

Разработкой института присяжных заседателей занялись Д.А. Ровинский и С.И. Зарудный. Принято считать, что первый был его родоначальник, второй — «теоретический обоснователь» [5, с. 84]. Они подготовили записки о суде присяжных, в которых всесторонне обосновали целесообразность его введения. В частности, Д.А. Ровинский опровергал утверждения Д.Н. Блудова «о неподготовленности» русского народа к суду присяжных. Народные массы «ни одном государстве не могут еще похвастаться ни юридическим образованием.., ни способностью к тонкому анализу». Образованные иностранцы, попав в Россию, начинают нарушать законы, «теряя юридическое образование. Причина этой грязи коренится гораздо

глубже», человек становится осторожным, «когда за поступками его следит общество, у которого есть возможность законным путем порицать и наказывать его» [6, с. 18]. Представителями общества в суде и являются присяжные. Таким образом, автор записки видел источник беззакония не в отсталости народа, а в системе правосудия, не способной гарантировать права. С.И. Зарудный, теоретически обосновывая потребность в суде присяжных, наряду с традиционными положениями буржуазной теории судоустройства приводил аргументы специфически «русские». «Цель судоустройства — в учреждении судебных мест на таком основании, чтобы судебные решения пользовались общим доверием» [6, с. 20]. По его утверждению это доверие обеспечит спокойствие в государстве, явится превентивной мерой обжалования судебных решений. Для достижения этой цели наряду с коронными судьями в состав судов следует ввести представителей от общества — присяжных. Постоянные судьи применяют закон, «а разрешение спора о событиях»веряется судьям, отводимым или присяжным. Только «совокупность всех этих условий приводит» к беспристрастности суда. С.И. Зарудный стремился при этом доказать неполитический характер суда присяжных, его безопасность для самодержавия. По мнению реформатора, это — не что иное, как судебный метод, особая форма организации суда, а потому «сие установление ни в каком случае не может и не должно быть смешиваемо с политическим устройством государства» [7, с. 25]. Положения, содержащиеся в записках Д.А. Ровинского и С. И. Зарудного, вошли в «Соображения государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судоустройстве», составленные комиссией и представленные на обсуждение в Государственный Совет. В них утверждалось, что, заменив теорию формальных доказательств оценкой по внутреннему убеждению, следует непременно ввести суд присяжных. Без него «невозможно представить себе какое-либо существенное улучшение в уголовном судопроизводстве» [7, с. 27]. Заботясь о гарантиях неприкосновенности личности, комиссия обосновала и необходимость введения суда присяжных по политическим преступлениям. Развивалась мысль, что в делах о государственных преступлениях коронный суд как государственный орган без представителей общества суда присяжных не способен вынести объективный приговор, поскольку «государство, преследующее преступление, есть вместе с тем и юридическое лицо, непосредственно оскорбленное или потерпевшее от преступления». Однако рассмотрение политических дел комиссия возложила на специальный состав: присяжных «зрелых лет, имеющих

обеспечение средства к жизни», которые избирались бы «представителями сословных управлений общества» [7, с. 42]. Признав суд присяжных «лучшим методом для рассмотрения дел по внутреннему убеждению», реформаторы считали нужным изменить и сопредельные институты, иначе, полагали они, он окажется нежизнеспособным. Процесс должен быть простым и ясным, устным, гласным. Требуется законодательно обеспечить подбор присяжных, гарантировать их независимость. Подобная всесторонность обоснования необходимости создания суда присяжных обуславливалась сильнейшей по отношению к нему оппозицией. Не только консерваторы, но и либерально настроенные общественные деятели и ученые выступили против суда присяжных. В.Д. Спасович, Б.Н. неприемлемости его для России [3, с. 46]. Не находили условий для его существования также авторитетные представители уголовно-процессуальной теории [9, с. 180—182]. Наблюдались колебания и в высших правительственных кругах. Подтверждение тому — назначенное в канун обсуждения в Государственном Совете «Основные положений» судебных преобразований великим князем Константином Николаевичем неофициальное рассмотрение наиболее спорных институтов. В письме от 22 апреля 1862 г. П.Д. Шубин писал Д.А. Ровинскому: «Великий князь собирается позвать к себе составителей записок с тем, чтобы они в его присутствии имели бы совещание и диспут о тех вопросах, о которых разногласия. Предлагают разбирать вопросы: Возможно ли у нас введение Присяжных. Составленные комиссией «Соображения о главных началах судопроизводства уголовного, судопроизводства гражданского и судоустройства», как следует из донесения Александру II от 30 апреля 1862 г., «были представлены» монарху «в апреле месяце» и по его «повелению переданы на рассмотрение Соединенных Департаментов законов и гражданского Государственного Совета» [11, Л. 37 об.]. Каких-либо замечаний или возражений со стороны самодержца не последовало. Поддерживая проект, великий князь Константин встретился с П.П. Гагариным, председательствующим при обсуждении «Основ» в Государственном Совете, от которого, считал он, зависел «весь успех рассмотрения этого важного дела», и склонял «употребить все зависящие от него старания к скорому окончанию дела в Соединенных департаментах» [12, Л. 42]. Иными словами, предлагалось принять основные институты проекта (прежде всего суд присяжных) без изменений. В общем Собрании Государственного Совета особых дебатов не возникло. Только министр юстиции гр. Панин выразил недоверие к суду присяжных. Кн. Гагарин и барон Корф разделяли

позицию о суде присяжных как о важном методе правосудия, заявив: «все или ничего», «...грустно сказать, — писал К.П. Победоносцев, менее чем в 20 минут, почти без обсуждения, разрешен был этот важнейший вопрос. Никто не коснулся практической стороны его, практических его условий» [2, Л. 1, 14 об.]. Объяснение быстрого и без обсуждения принятия суда присяжных кроется в предварительном одобрении его великим князем Константином Николаевичем, за которым стоял Александр II. Многочисленные его противники в этой связи не решались высказаться официально. По свидетельству К.П. Победоносцева, «еще третьего дня граф Строганов с негодованием говорил о невозможности присяжных в России. Члены Государственного Совета М. Корф, Ф. Литке и Н.И. Бахтин, не желая противоречить монаршей воле, при рассмотрении в Совете вопроса о допущении присяжных к рассмотрению дел о государственных преступлениях, высказались за положительное его решение. Однако, узнав, что Александр II был против этого, они резко изменили свое мнение [2, л. 20 об.]. Вместо суда присяжных по политическим делам Общее собрание Государственного Совета учредило суд сословных представителей. В журнале Государственного Совета утверждалось: «В той среде нашего общества, из которой предполагается назначать большинство присяжных, встречаются ошибочные понятия о государственном устройстве». Присяжным следует предоставить рассмотрение только тех дел, «по которым от них можно ожидать приговоров безошибочных». Иначе власть и государство «останутся без защиты» [8, с. 234]. Таким образом, институт присяжных заседателей был введен «Основными положениями преобразования судебной части в России» 1862 г., а развитие получил в судебных уставах 1864 г. В них предусматривалось, в частности, что присяжными являются русские подданные не моложе 25 и не старше 70 лет, прожившие «не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели». Двухгодичная оседлость требовалась, «чтобы присяжные заседатели, для оценки по совести степени вины подсудимых, были хорошо знакомы с нравами, обычаями и общественной жизнью известной местности» [4, с. 40]. Не могли быть присяжными лица, «исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или же из среды тех обществ и дворянских собраний», несостоятельные должники, «состоящие под опекой» и др. Запрещалось быть присяжными чиновникам государственной службы, священнослужителям, военным, лицам, находящимся в услужении. При избрании присяжных составлялись общие и очередные списки. Для внесения в общие предполагался имущественный ценз: наличие

не менее 100 десятин земли или иного недвижимого имущества суммой от 200 до 500 р. или жалование, или доход от капитала, занятия, ремесла и промысла в сумме от 200 до 500 р. «Имущественный ценз, заявляли реформаторы, — должен быть довольно высок, иначе в присяжные поступали бы лица бедные, не имеющие достаточного образования и недовольно развитые» для исполнения своих обязанностей. Высокий имущественный ценз — гарантия «заботливости в охранении общественной и частной безопасности законного порядка» [4, с. 42, 44]. Судебные уставы ввели служебный ценз, позволявший быть присяжным без учета имущественного положения. Подобная новелла не знала аналогов в мировой практике. В общие списки включались «все состоящие в государственной гражданской службе по определению от правительства, в должности пятого и ниже классов ... все состоящие на местной службе по выборам дворянских и городских обществ», крестьяне, занимавшие не менее трех лет выборные должности сельских старост, старшин, и др. Лица, имевшие право быть присяжными, вносились в общие списки особыми временными комиссиями, которые назначались в уездах земельными собраниями, «а в столицах соединенными заседаниями общих городских дум и местных уездных земских собраний». Комиссии ежегодно проверяли и дополняли списки. Последние представлялись губернатору, который проверял законность их составления. Он имел право исключить неправильно внесенных туда лиц с указанием причин. «Недовольные таким исключением, сделанным губернатором», могли жаловаться в Сенат. На основании общих списков составлялись очередные. Этим занимались временные комиссии, но «под председательством уездных предводителей дворянства и при участии одного из мировых судей уездного города».

Таким образом, формирование и законодательное закрепление института присяжных заседателей призвано было укрепить в обществе уважение к суду и противостоять общественному правовому нигилизму.

Список литературы:

1. Джаншиев Г.А. Суд над судом присяжных. М., 1896.
2. Дневник К.П. Победоносцева // ЦГИА.Ф. 1574. Оп. 1.
3. Журнал Министерства юстиции. 1860. № 12.
4. Журнал соединенных департаментов за 1864 год. № 48.
5. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. / М.Г. Коротких. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.

6. Материалы по судебной реформе в России. 1864. Т. 17.
7. Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 18. Ч. 1.
8. Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 19.
9. Миттермаер Ю.А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии, в отношении к уголовному судопроизводству. СПб. 1864.
10. Наше время. 1862. 12 янв.
11. ЦГИА.Ф. 1162.ОП. 1. Ед. хр. 7.
12. ЦГИА.Ф. 1162.ОП. 1. Ед. хр. 15.

СЕКЦИЯ 5.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОРМ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССОВ

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент филиала

Российского государственного гуманитарного университета,

г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

В связи с переходом к новой системе гражданского судопроизводства, предусматривающей апелляционную инстанцию, существенно изменилось содержание правовых отношений и объем прав субъектов в избирательном процессе. Действующее российское избирательное законодательство установило возможность реализации избирательного права, как граждан, так и других субъектов избирательного процесса в сокращенные сроки. Вместе с тем, в зависимости от уровня и видов выборов, условия и сроки рассмотрения жалоб и заявлений значительно изменились и были увеличены.

В соответствии с видами выборов в органы власти можно выделить право на обращение в суды различного уровня в зависимости от избирательных кампаний, субъектности участников избирательного процесса и объема прав последних.

Избирательное право гражданина Российской Федерации реализуется путем судебной защиты, предполагающей обращение в суд соответствующего уровня. Причем, уровень суда и место обращения определяется по территориальному признаку. В значительной степени ограничена возможность обращения гражданина за судебной защитой в период выборной кампании и в иные органы, в том числе в избирательную комиссию соответствующего уровня, так как обращение в суд позволяет прекратить рассмотрение жалобы либо заявления в соответствующих избирательных комиссиях.

В ГПК РФ в главе 26 регулируются вопросы по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

Российской Федерации. Например, подача заявления о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации определена исходя из субъектности участников избирательного процесса: избиратели, участники референдума, кандидаты и их доверенные лица, избирательные объединения и их доверенные лица, политические партии и их региональные отделения, иные общественные объединения, инициативные группы по проведению референдума и их уполномоченные представители, иные группы участников референдума и их уполномоченные представители, наблюдатели, прокурор, считающие, что решениями или действиями (бездействием) органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественных объединений, избирательной комиссии, комиссии референдума, должностного лица нарушаются избирательные права или право на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований, окружные, территориальные и участковые избирательные комиссии, соответствующие комиссии референдума вправе также обратиться с заявлением в суд в связи с нарушением законодательства о выборах и референдумах органом государственной власти, органом местного самоуправления, должностными лицами, кандидатом, избирательным объединением, политической партией, ее региональным отделением, иным общественным объединением, инициативной группой по проведению референдума, иной группой участников референдума, а также избирательной комиссией, комиссией референдума, членом избирательной комиссии, комиссии референдума.

Вместе с тем с заявлением в суд об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов) вправе обратиться только избирательная комиссия, зарегистрировавшая кандидата (список кандидатов), кандидат, зарегистрированный по тому же избирательному округу, избирательное объединение, список кандидатов которого зарегистрирован по тому же избирательному округу, а также прокурор. В тоже время, с заявлением в суд о расформировании избирательной комиссии, комиссии референдума вправе обратиться лица, установленные федеральным законом, а с заявлением в суд об отмене регистрации инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума вправе обратиться: при проведении референдума Российской Федерации — Центральная избирательная комиссия Российской Федерации; при проведении референдума субъекта Российской Федерации — избирательная комиссия субъекта

Российской Федерации; при проведении местного референдума — избирательная комиссия муниципального образования.

Законодатель определил сроки обращения в суд и рассмотрения заявлений исходя из правосубъектности, без учета особенностей судебного процесса:

- заявление в суд может быть подано в течение трех месяцев со дня, когда заявителю стало известно или должно было стать известно о нарушении законодательства о выборах и референдумах, его избирательных прав или права на участие в референдуме;

- заявление, касающееся решения избирательной комиссии, комиссии референдума о регистрации, об отказе в регистрации кандидата (списка кандидатов), инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, может быть подано в суд в течение десяти дней со дня принятия избирательной комиссией, комиссией референдума обжалуемого решения, а установленный процессуальный срок восстановлению не подлежит;

- заявление об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов) может быть подано в суд не позднее чем за восемь дней до дня голосования;

- после опубликования результатов выборов, референдума заявление о нарушении избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, имевшем место в период избирательной кампании, кампании референдума, может быть подано в суд в течение года со дня официального опубликования результатов соответствующих выборов, референдума;

- заявление о расформировании избирательной комиссии, комиссии референдума может быть подано в суд в сроки, установленные федеральным законом;

- в период избирательной кампании, кампании референдума заявление, поступившее в суд до дня голосования, должно быть рассмотрено и разрешено в течение пяти дней со дня его поступления, но не позднее дня, предшествующего дню голосования, а заявление, поступившее в день, предшествующий дню голосования, в день голосования или в день, следующий за днем голосования, — немедленно. В случае, если факты, содержащиеся в заявлении, требуют дополнительной проверки, заявление должно быть рассмотрено и разрешено не позднее чем через десять дней со дня его подачи;

- заявление о неправильности в списках избирателей, участников референдума должно быть рассмотрено и разрешено в течение трех дней со дня его поступления в суд, но не позднее дня,

предшествующего дню голосования, а в день голосования — немедленно;

- заявление, касающееся решения избирательной комиссии, комиссии референдума об итогах голосования, о результатах выборов, референдума, должно быть рассмотрено и разрешено в течение двух месяцев со дня его поступления в суд;

- решение по заявлению об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов) принимается судом первой инстанции не позднее чем за пять дней до дня голосования;

- решение по заявлению об отмене регистрации инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума принимается судом не позднее чем за три дня до дня голосования;

- решение по заявлению о расформировании избирательной комиссии, комиссии референдума принимается судом не позднее чем через четырнадцать дней, а в ходе избирательной кампании, кампании референдума — не позднее чем через три дня со дня поступления заявления в суд. Таким образом, наличие многочисленных исключений указывает на отсутствие нормативного регулирования в гражданском процессе защиты избирательных прав в суде.

Избирательное законодательство субъектов федерации способно ограничить правосубъектность политических партий, реализующих свое активное право по выдвижению кандидатов, либо пассивное избирательное право граждан на самовыдвижение, право на обращение в суд. Например, избирательное партийное объединение парламентской партии выдвигает кандидата на выборах главы администрации муниципального образования, однако, в случае отказа в его регистрации территориальной избирательной комиссией, не имеет права оспорить ее решение, так как не обладает активным правом. В таком случае, региональный законодатель произвольно ограничивает правоспособность партийного избирательного объединения, лишив его права оспаривать решение об отказе в регистрации выдвинутого им кандидата, тем самым принимать участие в выборах.

Субъект избирательного права обладает избирательной правосубъектностью и может благодаря этому участвовать в конкретном избирательном правовом отношении. Избирательная правоспособность и дееспособность, предусмотренная в избирательных законах субъектов федерации, в значительной мере не однородна. Отдельные субъекты федерации, принимая законы о выборах, не учитывают не только объем правоспособности и дееспособности отдельных субъектов избирательного процесса, но в значительной степени

сокращают объем права субъектов, либо лишают субъекты этого права в целом. Принимая отдельные законы к каждому виду выборов, субъекты федерации не принимают во внимание способности отдельных субъектов избирательного права приобретать избирательные права и участвовать в избирательном процессе.

Множественность субъектов избирательного процесса, применение различных выборных систем, возможность регулирования избирательного процесса субъектами федерации, привели к неоднозначному регулированию избирательных правоотношений. Вместе с тем, регулирование обращения в суд требует однородности избирательных отношений на федеральном уровне.

Изменения и дополнения, внесенные в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3], вместе с изменениями и дополнениями в ГПК РФ позволили субъекту федерации ограничить избирательное право граждан.

Коллизии норм гражданско-процессуального и избирательного законодательства проявились в ходе выборов должностных лиц субъектов федерации и органов местного самоуправления. В 2012 году в день голосования, отдельные субъекты федерации, в соответствии с изменением федерального избирательного законодательства вернулись к выборной системе глав субъектов федерации. Новацией региональных законов явился запрет выдвижения граждан в порядке самовыдвижения.

Вместе с тем, Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] предусматривается, что избирательное право является необъемлемым правом гражданина, не может быть урегулировано либо ограничено нормативными актами субъекта федерации, а «представленное» в качестве гарантии гражданина право обратиться в региональное отделение политической партии с предложением о выдвижении его кандидатом на должность Губернатора области, устанавливает незаконные ограничения равного избирательного права граждан, а также способствует неустановленному законом вмешательству в деятельность политических партий. Лишив права на самовыдвижение, региональные законодатели не урегулировали порядок самовыдвижения, и не предусмотрели выдвижение кандидатов на должность Губернатора в порядке самовыдвижения, тем самым региональный законодатель не выполнил дозволение федерального законодателя, предоставившего им это право по определению порядка самовыдвижения гражданина.

Таким образом, автор отмечает, что законы отдельных субъектов федерации содержат нормы, построенные с нарушением логических правил и правил юридической техники, и приводят к логическим ошибкам. С теоретической точки зрения приемов и методов юридической техники, заслуживает определенного внимания подход определения объема избирательного права, он позволяет подчеркнуть единую правовую природу субъектов избирательного процесса. В тоже время с практической стороны, правильнее разграничить понятия избирательного права граждан и иных субъектов, не создавая излишней терминологической путаницы. Таким образом, чем сложнее то или иное государственно-правовое явление, тем шире и подробнее необходимо рассматривать его определение, применяя несколько взаимосвязанных дефиниций, образующих понятийный ряд объектов, субъектов и содержание отношений избирательного права.

В связи с возникновением коллизии норм гражданско-процессуального и избирательного законодательства, автор полагает, что требуется проведение следующих законодательных работ:

1. Кодификации избирательного законодательства, подготовки проекта Избирательного Кодекса, включающего как материальные, так и процессуальные нормы.

2. Согласование ГПК РФ и проекта Избирательного Кодекса в части установления специальных сроков разрешения заявлений и жалоб, поданных в суд по вопросам выборов.

Таким образом, предлагаемые изменения позволят гарантировать субъектам избирательного процесса всестороннее и полное исследование обстоятельств дела, проведенное в разумные сроки судебное рассмотрение жалоб и заявлений, поступивших в ходе избирательного процесса.

Список литературы:

1. Гражданско-процессуальный Кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/>.
2. Конституция Российской Федерации. Юридическая литература. М.: 1994. — 123 с.
3. Федеральный закон РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31 июля 2006. — № 31. — Ст. 3427.

4. Федеральный закон РФ от 02.05.2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон» «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw>.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Данилов Александр Владимирович

*студент 4 курса ЮФ-09-04 СВФУ им. М.К. Аммосова
г. Якутск*

E-mail: lv2frie@yandex.ru

Данилов Владимир Петрович

проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, д-р, юрид. наук.

Коренное формационное изменение российского конституционного строя — результат революции 1988—1993 годов, осуществленный в конституционных и внеконституционных формах. В России возник новый конституционный строй, изменился весь облик конституционализма. Этот процесс обуславливает несомненную актуальность проблем конституционного строя и конституционализма в России в их развитии, взаимосвязи и различных формах проявления, рассмотрения их как концепции, идеи, процесса и реальности.

Конституционный строй и как особый тип властвования, несвойственный догражданскому обществу, и как результат гражданских (буржуазных, либеральных) революций, и как цель воплощения конституционных идей, есть внутренне противоречивое явление, имеющее революционно-преобразующую и консервативно-ограничительную стороны. При этом последняя выступает не только как правление, ограничение Конституцией, но и как конституционно установленные пределы (юридические формы) самого народовластия.

На Конгрессе делегатов муниципальных образований Президент России В.В. Путин отметил значимость возвращения понятия «народовластие» и наполнения его подлинным содержанием [12].

Именно через призму осуществления народовластия авторами исследуются элементы конституционного строя, равно как формы осуществления народовластия.

Исследование проблем конституционного строя и конституционализма в России представляет собой важнейшее направление науки конституционного права, предполагающее исследование и решение комплекса крупных по своему масштабу задач, направленных на укрепление конституционного строя и Конституции России, как важнейшей общественной ценности.

Либеральная сущность российской Конституции «смягчена» социальными вкраплениями, не имеющими адекватных гарантий, но и для советских конституций «характерно» разительное несоответствие многих учреждаемых конституционно-правовых институтов и политической действительности.

Неправдоподобным является мнение о том, что практический российский конституционализм — фикция. Наоборот, созданный в 1993 году механизм суперпрезидентской власти реализуется достаточно, чтобы считать механизм власти устойчивым, а действующую Конституцию — стабильной.

Системный анализ конституционного строя и конституционализма позволяет искать золотую середину между полярными подходами к перспективам действующей Конституции России. Одни ратуют за реформу Конституции или, как минимум, внесение самых необходимых изменений и дополнений в нее, тем более, что «Конституция уже подвергается тихой трансформации, другие призывают объявить мораторий на пересмотр конституционных положений» [7], третьи мотивируют преобразование Конституции без вторжения в ее текст, необходимостью обеспечения политической и экономической стабильности в обществе, а некоторые убеждены в том, что «впереди у нас конституционная реформа и новая конституция, конституция консервативного развития» [3].

В юридической литературе практически слабо исследован современный конституционный процесс как целостное явление конституционализма. Авторы сделали попытку исследования конституционализма как особую систему идеологических, политических и правовых реалий и их теоретического осмысления.

Конституционный строй и конституционализм взаимообуславливают друг друга, при этом конституционализм как идеология может «опережать» реалии конституционного строя. С другой стороны, конституционный строй — системообразующее ядро конституционализма.

Объектом исследования являются конкретные условия отказа от советского конституционализма и возникновения современного российского конституционного строя, конкретно-исторические условия разработки и принятия Конституции России 1993 года, иного законодательства как многоуровневой системы, а также сопутствующие друг другу или, наоборот, противоречащие друг другу конституционные взгляды и отношения. Объектом исследования являются также: конституционный процесс как часть политического процесса, предмет регулирования конституционного законодательства и оно само, практика реализации конституционных норм.

Предметом исследования являются конституционный строй и конституционализм в России в их развитии, взаимосвязи и разных формах проявления.

Конституционный строй и конституционализм в России в современных условиях, обладая самостоятельной ценностью, как и Конституция Российской Федерации, есть инструменты управления общественными процессами, средство выявления структурирования и защиты народовластия.

Конституционный строй, вне зависимости от своего типа, обладает двуединой сущностью: революционно-демократической и консервативной.

Гармоническое единство народовластия и свободы личности, общественных и личных интересов — идеал конституционализма.

Народовластие является сущностью революционной стороны конституционного строя, а ограничения и пределы демократии — сущностью консервативной стороны конституционного строя.

Принятие Конституции Российской Федерации на референдуме было формой легализации переворота сентября-октября 1993 года. После 12 декабря 1993 года, как бы ни оценивались характер и итоги референдума, все политические процессы вокруг конституционных вопросов вошли в русло цивилизованного процесса.

Целью работы является исследование проблем методологии, теории, истории, практики конституционного строя и конституционализма в России в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Авторы поставили следующие задачи:

1. доказать необходимость преемственности конституционных традиций в науке и практике
2. уточнить и систематизировать данные об оценке сущности и эффективности реализации конституционализма в период советского конституционного строя, в период возникновения нового конституционного строя и в современный период

3. через трактовку народовластия как сущностного элемента конституционного строя раскрыть взаимосвязь последнего с гражданским обществом и государства на пути осуществления народовластия и прав человека.

Конституционный строй есть сложное политико-юридическое понятие, противоречивость которого имеет глубокий философский смысл: это и цель, и средство, и процесс, и результат. Причем эти «точки измерения» меняются местами в зависимости от интересов субъекта политики. Если конституционный субъект (партия, президент, парламент, народ) добивается изменения соотношения сил, то достигнутый строй из цели превращается в результат, а субъект из «революционного» — в «консервативный», ибо функции перераспределяются между субъектами конституционного процесса как легального средства политической борьбы.

Соблюдение прав и свобод является производной и зависимой от него величиной. Правыми являются ученые, определяющие конституционный строй через категорию «власть»: «Конституционный строй — это определенная форма или определенный способ организации государства...» [1].

Конституционный строй есть политико-юридическое выражение такого государственного и общественного строя, который нуждается в более сложном, чем при абсолютизме, механизме власти: речь идет о механизме власти от имени народа, что конституционно декларируется как народовластие. Сложность этого механизма заключается в его возможности интегрировать революционную и консервативно-стабилизирующую стороны конституционализма одновременно.

Конституционализм может рассматриваться как:

1. конституционная идеология
2. процесс
3. цель
4. политико-юридическая реальность
5. юридический результат
6. тип нормативной основы правовой системы страны.

Тип конституционного строя предопределяет соответствующий тип конституционализма. С другой стороны, конституционализм влияет на вызревание условий изменения типа конституционного строя, характер и содержание писаной конституции. История отечественного конституционализма есть история его кризисов. В наиболее острой фазе кризис завершается неконституционной сменой основ конституционного строя. «Конституционная и общественная практика в современной России как бы разведена по разным

орбитам и пересекаются лишь в удобных и выгодных для правящего режима координатах. И чем больше «конституционный люфт», тем глубже конституционный кризис» [11].

Можно выделить две точки зрения на соотношение конституции и конституционного строя. Первая исходит из того, что основы любого государственного и общественного строя, став конституционными, образуют конституционный строй. Вторая же исходит из того, что не всякий строй, даже закрепленный на бумаге, является конституционным строем.

За гражданином, который представляет собой частицу народа, признается качество политико-конституционной правосубъектности. Гражданин осуществляет свое право субъекта власти, участвуя в выборах, законодательстве и управлении государством. Конституционный строй и институт гражданства исторически возникли одновременно. Это две стороны одной медали, имя которой — конституционализм. Идея народного суверенитета и идея гражданства обогащали друг друга. Возникнув, конституционный строй дополнительно гарантирует гражданское общество. Конституционный строй есть и условие, и следствие гражданского общества, его конституционная институционализация.

Правовое государство — идеал, к которому стремится конституционное государство. В правовом государстве власть подчиняется праву, что возможно лишь в случае контроля над нею. Способность общества к контролю над властью — признак гражданского общества. Только контроль, приобретая правовые формы, способен подчинять власть праву, и только при условии существования гражданского общества государство оказывается «под правом», становится правовым. Справедливо утверждение С.А. Авакьяна: «прежде всего конституционализм есть там, где главное не в наличии текста конституции — хотя архиважно, что он все же имеется, — а в глубоком почитании связанности государства и общества правом, законом» [3]. Понятие гражданское общество» и «правовое государство» неразрывны еще потому, что общество нуждается в правовой форме. Системный анализ конституционного строя и конституционализма позволяет искать золотую середину между полярными подходами к перспективам действующей Конституции России. Одни ратуют за реформу Конституции или, как минимум, внесение самых необходимых изменений и дополнений в нее, тем более что Конституция уже подвергается тихой трансформации, другие призывают объявить «мораторий на пересмотр конституционных положений» [6]. Третьи

мотивируют преобразование Конституции без вторжения политической и экономической стабильности в обществе, а некоторые убеждены в том, что «впереди у нас конституционная реформа и новая конституция, конституция консервативного развития» [4].

Конституционный строй с момента конституционного закрепления начинает жить самостоятельной жизнью, исключаяющей его насильственное изменение. С этого момента конституционный строй, продолжая быть объектом политики и полем политических битв, становится и юридическим понятием, образует ядро национальной правовой системы.

Типичными определениями конституционного строя, лидирующими на постсоветском пространстве середины 90-х годов XX века, были определения, построенные на основе категории прав и свобод личности, а не через категории власти и народовластия. Причем приоритет личных интересов перед государственным выражается в том, что применительно к личности акцентируется исключительно ее права и свободы, автономность от государства, а применительно к государству — его обязанности защищать, гарантировать, не вмешиваться: «Порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с конституцией, называется конституционным строем» [2].

Без позитивно-критической функции наука перерождается в апологетику. Впрочем, апологетика и конформизм в определенной мере должны присутствовать в науке конституционного права как неизбежный спутник одной из важнейших ее функций — функции обоснования конституционных реалий, воспитания уважения к ним, укрепления существующих основ конституционного строя. Если бы этой функции у наук не было, то вряд ли она вообще была бы нужна как позитивная наука о конституционном строе соответствующего государства.

Критическая функция науки в период ломки конституционного строя реализуется противоречиво. Эта противоречивость объясняется тем, что примешивается идеологический момент: тех, кто критикует «реформы», их результаты и Конституцию рискует попасть в число реваншистов. Между тем критика реалий отнюдь не означает ни реваншизма, ни того, что критикующий зовет в прошлое. Критика настоящего — катализатор будущего. Обе функции необходимы научному конституционализму. Если наука сводится к одной лишь критике, то она рискует скатиться до политиканства, но если наука вообще чужается критики, то она перестает быть наукой, сводится

к наведению благостного глянца на существующие реалии в той степени, в какой они удовлетворяют власть.

Сочетание названных функций конституционной науки обуславливает диалектическое сочетание на идеологическом уровне двух научных методов: «узкого» (юридического) и «широкого» (социологического). Первый метод означает анализ норм, принципов и институтов, второй — их сравнение с жизнью, причины бездействия.

Конституционализм любой страны — сфера ярко выраженной идеологии. Сами конституционные принципы — это определенные идеи. Их выбор и сочетание, заложенная в них степень декларативности и реальности, эклектичность, ориентация на общечеловеческие ценности собственную российскую, историческую почву и отечественный менталитет — образ российского конституционализма. При этом всегда следует помнить: то, что полезно для России, достойно стать частью общечеловеческих ценностей.

Деидеологизированное государство — это один из тех мифов, сыгравших роль «тройского коня», вошедшего, как нож в масло, в неискушенное сознание советских людей в период перестройки. Деидеологизированное государство — такой же абсурд, как и деидеологизированная политика. Главный вопрос политики — вопрос о власти. Государство без идеологии — все равно, что человек без мысли [5].

Конституция в равной мере сочетает в себе констатацию достигнутого и провозглашение целей, к которым стремятся данное общество и государство. Конституция как идеологический документ исходит из презумпции, что цели общества являются задачами государства, но подобное совпадение не всегда гарантировано, даже в случае принятия конституции на референдуме. Адекватное отражение общественных целей в конституции предполагает наличие адекватной конституционной идеологии.

В результате глубинных конституционно-формационных изменений (1988—1993), разрушение единого правового государства СССР (1990—1991), а затем и самого СССР (1991), демонтажа советской системы (1990—1993), полностью изменились конституционный строй, экономическая, социальная, политическая, идеологическая и духовная система Отечества.

Критерием появления Конституционного строя является возникновение института выборов, избирательного права. Связанность власти правом начинается в процессе ее избрания. Выборы — элемент народовластия, но таковым они могут быть лишь в подлинно демократическом государстве. В государстве же, где народовластие,

народоправство подменено его внешне демократической формой, выборы выполняют роль демократической ширмы, за которой скрываются самое настоящее нарушение интересов народа, наступление на права большинства населения.

Любое нарушение избирательного права конституционно опаснее иных деликтов, ибо здесь формируется власть. «Выборность создает тесную нравственную связь парламента с народом, является источником политической силы народного представительства, создает его полную независимость от бюрократического механизма» [10]. В настоящее время проблема независимости народных представителей еще более актуальна, в том числе, на основе политических реалий. Таким образом, можно сделать вывод: выборы, референдум, отзыв — три разных института демократии с разными основаниями, целями, последствиями. Взаимосвязь между избирательным и парламентским правом позволяет сделать вывод, что первое характеризует способы и методы формирования выборных, в т. ч. представительных органов власти, второе — способы и методы их функционирования. Как парламент избирается, так он и функционирует: чем полнее реализуется в процессе выборов принцип народного представительства, тем выше демократический потенциал представительного органа власти и его обратная связь с избирателями.

Авторы подчеркивают, что:

- Только комплексное исследование проблематики конституционного строя и конституционализма выведет ее из сферы политических спекуляций в сферу научно обоснованных предложений, что и повысит объективность в оценке принимаемых конституционно-правовых актов и их роли в становлении нового конституционного строя в России.
- Конституционное законодательство одновременно есть и средство внедрения институтов и элементов конституционного строя, и инструмент реформирования конституционного строя конституционализма.
- Конституционализм каждой страны есть национальное сочетание конституционной идеологии, конституционной теории, конституционного законодательства и конституционной практики — практики политической борьбы за изменение или, наоборот, сохранение существующих конституционных норм и институтов, с одной стороны, и практики собственного конституционного процесса как юридического явления — с другой, а также практики действия реализации, гарантирования и охраны конституционных норм и институтов.

- Конституционный строй является стержневым, системообразующим элементом отрасли конституционного строя и конституционализма, относящегося к революционному типу, необходима преемственность конституционных традиций в науке и практике. Слом традиций, пренебрежение ими весьма опасны.

- В постсоветский период беспрецедентно обновилась фактическая и юридическая база науки конституционного права, обновился ее категориальный и понятийный аппарат. Многие споры конституционалистов имеют общий знаменатель, имя которому — соотношение преемственности и новизны в конституционном праве современной России. Значительно реже ставится и решается другая проблема — допустимая степень расхождения между конституционным принципом и реальностью.

- Ядро российского конституционализма составляет конституционный строй. Поэтому изменения ядра конституционализма неизбежно влекут изменения науки конституционного права, которая в период революционных ломок конституционного строя играет двойственную роль. Ведущая роль конституционного права не утрачивается, подобно тому, как не утрачивается роль конституции в системе права. В свою очередь наука конституционного права должна противостоять тенденциям принижения роли конституционных ценностей.

- Следует учитывать опыт других стран, знать работы зарубежных авторов, но не абсолютизировать их, понимая, что опыт других стран — это не только достижения, но и ошибки, а зарубежные ученые вряд ли могут знать об общих закономерностях демократических процессов и особенностях нашей страны и наших реалий больше, чем отечественные ученые.

- Народовластие — стержневой элемент конституционного строя — с одной стороны, демократическая сущность гражданского общества и правового государства — с другой. Категория конституционного строя позволяет по-новому осветить соотношение между гражданским обществом и государством и охарактеризовать их партнерское взаимодействие.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М.: РЮИД.
2. Баглай М.В., Габригидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов — М.: Инфра-М. — Кодекс, 1996. — с. 96.

3. Бабурин С.Н. Этапы и черты российского конституционного строительства. Сб. материалов Междунар. Научно-практической конференции — М.: Рос НОУ, 2003. — с. 69.
4. Бабурин С.Н. Интеграция и опыт правовых преобразований в условиях вызова мировому правопорядку, М.: Рос НОУ, 2003. — с. 75.
5. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России (Проблемы методологии, теории, практики). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. — С. 28.
6. Борисов Г.А. Освоение потенциала Конституции РФ: проблема и перспективы. Российская Академия юр. наук. т. 2 М.: «Юрист», 2002. — с. 196—197.
7. Гаджиев Г.А., Кряжков В.А. Конституционная история юстиции в Российской Федерации: становление и проблемы // Государство и право, 1993 № 7. — с. 4.
8. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России Уч. — М.: Юристъ, 1995. — с. 75.
9. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года. «РГ» — Федеральный выпуск № 4831.
10. Лазаревский Н.И. Конституционное государство. Курс лекций — Спб, 1905. — с. 182.
11. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации // М.: ЮНИТИ, 2002. — С. 408.
12. Митюков А.А. О преобразовании Конституции Российской Федерации / Конституционное развитие России — Саратов: изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. академия права» вып. 4, 2003. — с. 32.

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

Двойных Ольга Сергеевна

*науч. сотр.,
Курская академия государственной и муниципальной службы,
г. Курск*

Харитонов Владислав Игоревич

*канд. филол. наук,
Курская академия государственной и муниципальной службы,
г. Курск*

E-mail: zauchka.ru@gmail.com

В современное время в законодательстве Российской Федерации, также как и в законодательстве развитых демократических государств и государствах стран СНГ, закреплён конституционный принцип верховенства права и закона. В соответствии с указанным принципом нормативный правовой акт является основным и наиболее эффективным регулятором общественных отношений. На взгляд авторов, именно этим определяется интерес правоведов к законодательной регламентации и организации законотворческого процесса. Анализ научной литературы на тему организации законотворческого процесса в странах дальнего и ближнего зарубежья, а также на территории Российской Федерации позволяет предположить, что структура изучаемого процесса приблизительно одинакова.

В частности, Основным Законом государства (чаще всего это Конституция) определен круг субъектов, наделенных правом законодательной инициативы, детально регламентированы процедуры внесения на рассмотрение и обсуждение законопроекта, а также подписание законопроекта главой государства, официального опубликования и вступления в законную силу принятого нормативного правового акта. Процесс создания нормативного акта, как правило, регламентирован нормативным актом, регулирующим порядок работы законодательных органов власти (в России это Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации, в Украине — Верховная Рада Украины и т. д.).

В данном контексте необходимо отметить, что в современной теории конституционного права представлен подробный анализ не только законодательного процесса России и стран СНГ, но и поря-

док организации деятельности законодательных органов. Следовательно, представленная правовая материя не может быть предметом изучения в рамках только данной статьи.

Гораздо более актуальным в настоящее время является изучение механизма повышения эффективности действия нормативного правового акта, коим является многоаспектная экспертиза проекта нормативного правового акта.

В связи с этим основной целью представленного исследования является анализ степени регламентации и использования такого демократического института как экспертиза проектов нормативных правовых актов на территории Российской Федерации, а также государств-стран СНГ, в частности — на территории республики Украина.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. проанализировать понятие «экспертиза»;
2. проанализировать понятие «экспертиза проекта нормативного правового акта»;
3. проанализировать степень закрепления и использования такого демократического института как «экспертиза законопроекта».

В целях всестороннего и глубокого анализа такого социального института как экспертиза законопроекта необходимо детально проанализировать сам термин и этимологическую природу термина «экспертиза». Указанная проблематика достаточно хорошо изучена в сфере гуманитарных наук. Например, А.Н. Попов, Н.Л. Хананашвили отмечают, что происхождение термина «экспертиза» связывают с латинским «expertus», что означает «знающий по опыту», «опытный», «испытанный». В общем словоупотреблении под экспертизой традиционно понимают «исследование специалистом (экспертом) каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т. д.» [3].

К сожалению, следует отметить, что, несмотря на его устойчивость и употребительность, специфику экспертной деятельности все же по-настоящему не отражает. Поэтому в научной литературе уже предпринимались попытки дать обобщенное определение экспертизы как специфического вида деятельности, связанного не только с наукой, но и с другими социальными институтами и сферами жизни общества.

Ю.В. Сидельников предложил следующее определение: «Под экспертизой мы понимаем оценочно-аналитическую деятельность, выполняемую с привлечением экспертов для анализа

и (или) оценки объектов экспертизы. Среди них — социальные и природные ситуации, программы, проекты, ход и результат деятельности людей или организаций с целью подготовки исходных материалов для обоснования принимаемых решений в условиях частичной неопределенности» [3].

Из приведенного выше четко видно, что толкование понятия «экспертиза» является достаточно полным и позволяет выделить следующие качественные признаки изучаемого явления:

1. экспертиза основана на использовании специальных знаний;
2. их использование выражается в исследовательской деятельности (преимущественно оценочно-аналитической направленности);
3. экспертное исследование проводится компетентным лицом — экспертом (т. е. привлеченным специалистом, владеющим необходимыми для конкретной экспертизы специальными знаниями);
4. экспертная деятельность имеет процессуальную основу (ее порядок и условия осуществления, как правило, регламентированы);
5. целью экспертного исследования является получение заинтересованными организациями (лицами) объективной информации, необходимой для принятия более обоснованных и точных решений;
6. итоги проведенного экспертом исследования, как правило, отражаются в особом документе — экспертном заключении.

Некоторые ученые дополняют указанный перечень такой характеристикой как наличие специальных знаний, носителем которых является эксперт. Традиционно под «специальными знаниями» понимают именно те знания, которые не относятся к общеизвестным и общедоступным, а которыми владеет лишь ограниченный круг специалистов того или иного профиля.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экспертиза — это широко известное и хорошо изученное понятие в современной науке. Толкование данного понятия в целом сводится к процедуре исследования, каких либо объективных характеристик явления или предмета, по результатам которой должно быть представлено заключение, подготовленное уполномоченным должностным лицом, обладающим специальными знаниями — экспертом.

Рассматривая указанный термин в фокусе правового поля, необходимо отметить, что в действующем российском законодательстве закреплён порядок проведения экспертных исследований в различных сферах жизни общества. Например, Федеральный закон «Об экологической экспертизе» № 174-ФЗ от 23 ноября 1995 года регулирует отношения в области экологической экспертизы [7]

и определяет искомое явление как установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду.

Медико-социальная экспертиза — определение в установленном порядке потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты, включая реабилитацию, на основе оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ») [6].

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время в законодательстве России закреплено нормативное (аутентичное) толкование определенных видов экспертиз. По мнению авторов, это положительная тенденция развития правового государства и установления единого правопорядка в государстве.

К сожалению, в настоящее время отсутствует единое понимание термина «экспертиза законопроекта».

Анализ научной литературы по указанной проблематике позволяет сделать вывод, что в настоящее время в соответствии с ч. 2 ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации правовую экспертизу законопроекта осуществляет Правовое управление Аппарата Государственной Думы. Экспертиза проводится по следующим направлениям: на предмет соответствия законопроекта Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, основным отраслевым законодательным актам, проверяет перечень актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием данного законопроекта [5].

Контент-анализ указанной статьи Регламента показывает, что в тексте статьи отсутствует указание на количественный состав экспертной комиссии, на должностных лиц которой возлагается ответственность за проведение указанной экспертизы. Более того, отсутствуют статусные требования, предъявляемые к экспертам (в частности: возраст, уровень квалификации, опыт работы и др.).

Кроме того, из текста статьи не ясно, кто конкретно (представитель каких именно депутатских объединений, комитетов, комиссий

либо Совета Государственной Думы) является субъектом права инициировать проведение правовой экспертизы.

Более того, в тексте статьи приведена формулировка «проведение экспертизы в установленный срок», из содержания которой неясно, каков срок проведения экспертизы и на какой период времени он может быть продлен. К тому же в тексте статьи отсутствует указание на срок, в течение которого должно быть подготовлено заключение по результатам проведения экспертизы. Перечисленные выше факторы являются коррупциогенными и впоследствии могут быть основанием для совершения правоприменителем противоправных деяний с коррупционной составляющей.

Частью 2 ст. 112 Регламента предусмотрено проведение Правовым Управлением Государственной Думы Российской Федерации юридико-технической экспертизы законопроекта [5]. Анализируя формулировку «...осуществляет юридико-техническую экспертизу законопроекта», можно предположить, что экспертиза такого рода проводится обязательно, хотя это всего лишь предположение. Дефиниция термина «юридико-техническая экспертиза законопроекта» отсутствует в действующем законодательстве России. Хотя из названия следует, что указанная экспертиза проводится на предмет оценки соблюдения правил оформления проектов нормативных правовых актов и соблюдения требований ГОСТ.

Отсутствие точного предмета исследования экспертизы может отрицательно повлиять на содержание и порядок организации проведения указанного вида экспертизы будущего закона. Это — правовой пробел и, как следствие, несовершенство правовой системы РФ. Кроме того, в тексте анализируемой статьи Регламента имеет место норма о возможности проведения лингвистической экспертизы будущего закона.

Здесь необходимо отметить, что понятие «лингвистическая экспертиза законопроекта» приведено в тексте Регламента Государственной Думы Российской Федерации ч. 7 ст. 121: «...лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [5].

По мнению авторов, здесь приведено вполне приемлемое определение искомого понятия. Тем не менее, рассматривая текст Регламента сквозь призму контент-анализа, нельзя не заметить

нарушение структуры документа, поскольку порядок проведения изучаемого вида экспертизы регламентирован в одной статье Регламента, а содержание и назначение этого же вида экспертизы приведено в другой самостоятельной статье этого же документа. Это свидетельствует о нарушении логики изложения нормативного материала и снижает эффективность правового воздействия всего законодательного акта.

Еще одно важное замечание: в тексте ч. 2 ст. 112 Регламента приведена формулировка «...ответственный комитет может поручить Правовому управлению Аппарата Государственной Думы провести лингвистическую экспертизу законопроекта» [5]. Следовательно, имеет место элемент усмотрения правового регулирования, что является коррупциогенным фактором.

В настоящее время в российском законодательстве коррупциогенными факторами указана, в том числе и юридико-лингвистическая неопределенность — употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера [5]. Исчерпывающий перечень коррупциогенных факторов приведен в Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 [4].

Указанным нормативным правовым актом утверждены также Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: «Настоящие Правила определяют порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, осуществляемой Министерством юстиции Российской Федерации, и независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения» [5].

Из вышеизложенного можно заключить, что в настоящее время в Российской Федерации на самом высоком уровне ведется борьба с коррупцией. Это один из эффективных механизмов построения правового социального государства

В то же время, несмотря на то, что вопросы проведения экспертизы для России в современное время актуальны и основные виды экспертиз обозначены законодательно, в нашей стране не сформированы базовые элементы экспертной деятельности, под которой понимается целостная система организации и проведения

экспертизы (в том числе и такие реалии и процедуры, которые предшествуют экспертному исследованию или же связаны с рассмотрением его итогов) [3]. Более того, экспертиза должна быть независимой и профессиональной [3]. Следовательно, в России необходимо усовершенствовать не только законодательное регулирование вопросов проведения экспертизы законопроектов, но и порядок организации и проведения соответствующих процедур.

Экспертиза законопроектов — механизм создания эффективного закона. Следовательно, элементы экспертной деятельности должны быть отражены в законодательстве и законотворческом процессе каждого демократического государства.

Список литературы:

1. Булаков О.Н. Парламентское право России: учеб. пособие: — М.: Эксмо. 2006. — 656 с.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] / СПС «Консультант+» — Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>.
3. Попов А.Н., Хананашвили Н.Л. Общественная экспертиза: принципы организации, эффективность — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://eval-net.org/library/brosha5_oe.pdf.
4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26 02.2010 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.rnk.ru/documents/new/document142543.phtml>.
5. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 года [Электронный ресурс] / СПС «Консультант +» — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/>.
6. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ [Электронный ресурс] / СПС «Консультант+». — Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132981>.
7. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ / [Электронный ресурс] / «Консультант+». — Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133347>.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Злобина Наталья Николаевна

*студент Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград
E-mail: ssnнат@rambler.ru*

Боков Юрий Александрович

*канд. юрид. наук,
доцент Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград*

При любом демократическом устройстве общества права и свободы граждан, а также их обязанности составляют важнейший социальный и политический институт. Данный институт в свою очередь объективно выражает достижения общества, демонстрирует его зрелость и цивилизованность.

Действующая с 12 декабря 1993 года Конституция Российской Федерации закрепила принцип гуманизма как один из принципов, составляющих основы конституционного строя нашего государства. Человек, его права и свободы являются высшими ценностями во взаимоотношении личности и государства. «Конституционные положения определяют приоритет прав и свобод человека и гражданина в системе объектов конституционно-правовой защиты» [5, с. 30].

Правовой статус личности установлен положениями Конституции РФ, где указано, что права и свободы человека являются естественными и неотчужденными, даны ему от рождения. Признание, соблюдение и защита прав человека — обязанность государства.

Каждый человек имеет право на жизнь, здоровье, личную безопасность и неприкосновенность, защиты чести, достоинства, доброго имени, свободу мысли и слова, выражение мнений и убеждений, выбора местожительства. Человек имеет право приобретать, владеть, пользоваться и распоряжаться собственностью, заниматься предпринимательской деятельностью, покидать страну и возвращаться обратно.

Предусматриваются соответствующие права в социальной и культурной областях — на труд, отдых, образование, социальное обеспечение, интеллектуальное творчество.

Одновременно в Конституции Российской Федерации предусмотрен механизм реализации прав и свобод человека и гражданина.

Прямая обязанность государства защищать права человека закреплена юридически. В ч.1 ст.45 Конституции РФ гарантируется государственно-правовая защита прав и свобод граждан [2, с. 14], где также устанавливается обязанность государства защищать и охранять права и свободы, требовать государственной охраны от посягательств на его конституционные права.

«Государственная охрана конституционных прав и свобод человека и гражданина — это институт конституционного права, представляющий собой юридический комплекс, с помощью которого на государство возложена обязанность обеспечить реализацию основных прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 85]

Основные фундаментальные права и вытекающие из них иные права и свободы обеспечивают все сферы жизни человека. Традиционно их принято классифицировать группы: личные, политические, социальные, культурные, экономические. «Все права и свободы неотделимы друг от друга и взаимосвязаны, поэтому такое разделение носит чисто условный характер» [4, с. 31].

Именно эти права, закреплённые Конституцией РФ 1993 года, являются наиболее социально значимыми для отдельного человека, общества и государства. Права и свободы человека являются гарантом в обеспечении его достоинства и чести, присущей человеческой личности; права на участие в решении вопросов устройства и управления тем обществом, членом которого он является; социальных и экономических условий, необходимых ему для удовлетворения жизненно важных для него материальных и духовных потребностей.

Конституционные права и свободы являются главным элементом конституционного правоотношения, в котором участвует государство и гражданин. Для гражданина смысл такого правоотношения состоит в получении защиты своих прав, а для государства — в обязанности предоставить эту защиту.

В области защиты прав человека Конституция РФ работает достаточно эффективно. Не смотря на то, что по этому поводу в общественности бытуют разногласия, это достаточно просто доказать. Рассмотрим на конкретном примере. Первоначально стоит отметить, что за последнее десятилетие развитие технологий вступило в интенсивную фазу. Данный факт послужил толчком для активной интеграции общественного сознания в социальных информационных ресурсах. Учитывая, что «скрытость» сетевого общения в недопустимой мере раскрепощает в виртуальной реальности и позволяет преступать поведенческие нормы, нормы этики пользователей, в этой сфере общественной жизни имеют место нарушения личных прав

и свобод человека. Однако, как показывает практика, защитить эти права всё же представляется возможным.

Один из доказательственных тому примеров является случай произошедший на территории Волгоградской области в мае 2010 года. Жительница г. Волгограда по средствам одной из социальных сетей познакомилась с жителем г. Волгограда. «О знакомстве в Интернете узнал муж гражданки, в результате чего в семье начались разногласия. Решив, что в супружеских разногласиях виноват именно интернет-собеседник, обвиняемая решила ему отомстить. Взломав электронный почтовый ящик знакомого, она прочитала все его письма. После этого, используя контакты электронной адресной книги, разослала всем знакомым и деловым партнерам фотографии интимного характера, которые ранее ей присылал виртуальный друг. Получив доступ на его персональную страницу одной из социальных сетей, она и там разместила эти же неприличные фото» [3].

В соответствии со статьёй 23 ч. 1 Конституции Российской Федерации, где указано: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени» [2, с. 9] понятие неприкосновенности частной жизни включает в себя право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Частной жизнью можно назвать те стороны жизни личности, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других.

В данной ситуации гражданка посягнула на неприкосновенность частной жизни по нескольким статьям: нарушение тайны переписки, неправомерный доступ к компьютерной информации, а также оскорбление.

Как известно, в Конституции РФ закреплено право человека на защиту чести и доброго имени [2, с. 14]. В законодательстве на этот счёт определен порядок судебной защиты, включающий право на возмещение морального вреда. Пострадавший волгоградец успешно воспользовался своим правом.

Таким образом, «жительница г. Волгограда признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272 УК РФ «неправомерный доступ к компьютерной информации», ч. 1 ст. 137 УК РФ «нарушение неприкосновенности частной жизни», ч. 1 ст. 138 УК РФ «нарушение тайны переписки» и ч. 2 ст. 130 УК РФ «оскорбление». Приговором суда виновной назначено наказание в виде штрафа в размере 50 тысяч рублей» [3].

Если изучить структуру Конституции РФ, можно отметить что она строится на положении — сначала гражданин и только потом

государство. Зная и апеллируя правовыми конституционными основами, в какой-то степени гражданам удастся защитить свои права. Что касается нарушения прав человека в сети Интернет, то они встречаются и достаточно часто, защитить их сложно чаще всего ввиду отсутствия полноты доказательств. Рассматривая именно этот вид нарушений, отметим, что случаи ущемления прав и свобод в социальных сетях полностью зависят собственно граждан, которые неосознанно иницируют противоправные деяния против своей личности.

Изначально человеческая природа требует равноправия среди всех членов общества. Эту возможность предоставляет правовое государство. По мнению авторов, для строительства такого необходимо понимание сути проблемы защиты прав и свобод человека. Каждый из членов общества должен выработать свои собственные убеждения, для достижения результата углубиться в изучение основ Конституции РФ, где полученным результатом станет — человек и его права и свободы.

Список литературы:

1. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. — 2001. — № 12.
2. Конституция Российской Федерации. С.-Пб., 2012. — 48 с.
3. Официальный портал Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.skprokvolga.ru/index.php?module=news&task=show&month=9&year=2011&day=27&newspage=1&id=1076>.
4. Фетюхин М.И. Социальное право: курс лекций. Волгоград, 1988. — 245 с.
5. Чепурнова Н.М., Гончаров Е.И. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект. М.: Закон и право, 2010. — 159 с.

МЕТОД АНАЛИЗА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Малхасян Гаяне Арменовна

юрист, «Воронежский союз потребителей»,

г. Воронеж

E-mail: femida.1987@mail.ru

Предлагаются научно обоснованная система основных понятий и категорий анализа, составляющих основу метода исследований для системного рассмотрения проблемы анализа конституционного строя различных государств с целью изучения демократических основ их развития с учетом специфики развития и объективно существующей нечеткости и неопределенности исходных представлений о конституционном строе. Метод базируется на научном подходе и системе категорий (аспектов, уровней, этапов, процедур) и технологической схеме поиска решения, раскрывающих состав и структуру исследований.

Конституционный строй — система правовых отношений, закрепляющая способ организации государства, при котором признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, а государство подчинено праву и, прежде всего, демократической Конституции [1].

Характерным при решении задачи анализа конституционного строя является нечеткость и неопределенность исходных представлений об объекте исследований, составе и структуре элементов, характеристиках и способах их взаимосвязанного функционирования. Это затрудняет возможность применения для анализа конституционного строя известных методов анализа и выдвигает на первый план необходимость более широкого рассмотрения и последовательного введения системы основных понятий и категорий анализа, сужающих область пространства исследований и структурирующих проблему анализа конституционного строя на основе применения существующих методов анализа систем и принятия решений. Основным способом преодоления указанных трудностей является применение методов декомпозиции в задаче анализа конституционного строя. В практике анализа сложных систем наибольшее применение нашла декомпозиция, основанная на их иерархическом многоуровневом описании, что позволяет задачу анализа конституционного строя разделить на отдельные составляющие на основе отношений «целое-часть», «право вмешательства верхнего уровня» и «зависимость верхнего уровня от нижних уровней».

С использованием отношения «целое-часть» общая задача анализа конституционного строя представляется в виде системы взаимосвязанных частных задач анализа состава, структуры и функционирования его составляющих элементов, совместное решение которых является решением общей задачи. «Право вмешательства верхнего уровня» основывается на определении на верхнем уровне элементов конституционного строя для элементов (задач) нижних уровней иерархии соответствующих целей, ресурсов, ограничений и условий применения. «Зависимость верхнего уровня от нижних уровней» реализуется путем передачи на верхний уровень элементов результатов решений задач элементами нижних уровней и предложений по корректировке целей, ресурсов, ограничений и условий, определяемых верхним уровнем для задач нижних уровней, поскольку реальными физическими переменными управляет нижний уровень, а верхний — согласовывает обобщенные параметры.

Анализ конституционного строя от постановки задачи её анализа до разработки конкретного решения проходит ряд этапов, образующих в целом цикл принятия решения. В общем случае, цикл принятия решения условно разделяется на этапы, включающие:

- уяснение целей и задач, стоящих перед специалистами анализа конституционного строя;
- оценку внешних и внутренних условий развития конституционного строя;
- подготовку вариантов решений по конституционному строю;
- принятие предпочтительного варианта решения о конституционном строе, наиболее полно отвечающего конкретному государству.

Структура анализа конституционного строя выражает определенную логику действий специалистов анализа конституционного строя, базы знаний и средств анализа.

Специалисты анализа конституционного строя вносят субъективный и объективный факторы в процесс анализа его облика. Это обуславливает необходимость разделения категорий анализа на субъективные и объективные. Субъективные категории выражают узловые моменты в деятельности коллектива специалистов анализа и характеризуют развертывание процесса анализа во времени — к ним относятся этапы и процедуры анализа. Объективные категории выражают качественные стороны свойств КС и характеризуют в этом смысле содержательное развитие анализа — к ним относятся аспекты и уровни анализа [2; 3].

При анализе конституционного строя рассматривается с позиций различных точек зрения или аспектов. Каждому аспекту решения о конституционном строе соответствует аспект (подаспект) процесса анализа, в рамках которого исследуется система связей, свойств и характеристик конституционного строя, выражающих данную его качественную сторону. Полное представление об облике конституционного строя может быть получено только при условии рассмотрения его с позиций всех аспектов, чего практически достичь невозможно. Поэтому процесс анализа конституционного строя содержит лишь существенные аспекты, связанные с основными, важнейшими свойствами и характеристиками государства и условиями его функционирования. Существенными аспектами процесса анализа конституционного строя являются:

- аспект целевого предназначения;
- функциональный аспект;
- структурный аспект;
- параметрический аспект.

Каждый из этих аспектов может быть разделен при необходимости на более мелкие аспекты анализа (подаспекты) и их комбинации.

Уровни анализа конституционного строя однозначно связаны с его внешними свойствами, проявляющимися при его взаимодействии с окружением, а их сущность определяется внутренней структурой государства. Свойства структурных элементов (подсистем) конституционного строя проявляются в соответствующем окружении, а их причина содержится в структуре более мелких их составных частей (элементов). Нарастающая степень детализации рассмотрения конституционного строя фиксируется в уровнях его описания, которым сопоставляются уровни анализа конституционного строя. Условно уровни анализа можно разделить на группы: уровень внешнего анализа, который, как правило, не разделяется на подуровни, и уровни внутреннего анализа (внешнесистемный и внутрисистемный анализ). В ходе анализа конституционного строя в результате многократного перехода от уровня внешнего анализа к уровням внутреннего анализа и обратно асимптотически достигается необходимое соответствие между свойствами конституционного строя, его строением, между характеристиками составных частей и характеристиками в целом.

Этап анализа — условно выделяемая часть процесса анализа конституционного строя, ограниченная определенным историческим интервалом времени, в пределах которого достигаются представления

о свойствах, характеристиках и эффективности конституционного строя, достаточные для принятия решения или о путях его поиска.

Каждый из этапов анализа включает последовательность процедур анализа. Процедура анализа — часть процесса анализа конституционного строя, заканчивающаяся достижением определенного уровня обоснованности принимаемых решений специалистами анализа на основе определенной фиксированной группы свойств, характеристик и показателей конституционного строя. К процедурам анализа конституционного строя относятся: постановка задачи анализа; формирование множества вариантов решений; выбор из вариантов предпочтительного; анализ предпочтительного варианта и разработка предложений о демократичных основах развития государства. В совокупности процедуры анализа образуют цикл анализа. Процесс анализа конституционного строя может состоять из нескольких циклов анализа.

Каждая из категорий анализа конституционного строя упорядочивает и организует деятельность коллектива специалистов анализа и в этом смысле является образующей процесса анализа. Таким образом, каждая из категорий может иметь характер и содержание процесса анализа. При анализе конституционного строя непрерывно меняется характер категорий, происходит их взаимопереход, проникновение друг в друга.

Смена категорий анализа конституционного строя связана с исчерпанием возможностей количественного анализа свойств, характеристик, алгоритмов функционирования и способов развития государства на различных исторических этапах, а также необходимостью их качественных изменений.

Таким образом, введенная система основных понятий и категорий анализа конституционного строя, составляющих структуру метода его анализа, обеспечивает всестороннее рассмотрение и последовательное развертывание поступательно-возвратного движения по видам и внутри каждого вида категорий, образуя циклический итерационный процесс с нестационарной иерархической структурой, обеспечивающий постепенное исследование свойств и характеристик конституционного строя, необходимых для принятия решения о демократических основах развитии конкретного государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [Текст]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: [с учетом поправок от 30. 12. 2008

№ 6 — ФКЗ, № 7-ФКЗ]. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.constitution.ru/>.

2. Мистров Л.Е. Методологические основы разрешения социально-экономических конфликтов / Л.Е. Мистров, Н.И. Амрахов // Воронеж: Институт экономики и права, 2008. — 475 с.
3. Мистров Л.Е. Методологические основы синтеза информационно-обеспечивающих функциональных организационно-технических систем / Л.Е. Мистров, Ю.С. Сербулов // Воронеж: Научная книга, 2007. — С. 232.

НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ИННОВАЦИЙ» И «МОДЕРНИЗАЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Новикова Алевтина Евгеньевна

*канд. юрид. наук, доцент ФГОУ ВПО НИУ «БелГУ»,
г. Белгород*

E-mail: alevtina2010@yandex.ru

Жорник Анна Максимовна

*студент 3 курса ФГОУ ВПО НИУ «БелГУ»,
г. Белгород*

E-mail: zhornik94@mail.ru

*Работа выполнена в рамках государственного задания;
регистрационный номер 6.2962.2011*

В течение последних пяти лет все чаще на уровне публичной власти в обороте применяются такие термины как «инновации» и «модернизация». Более того, таковые используются в качестве приоритетных направлений в ежегодных посланиях главы российского государства (начиная с 2007 года), что указывает на важность заявленных понятий для общества и всех органов государственной власти Российской Федерации.

Уточним, что, что послание Президента Российской Федерации предусмотрено п. «е» ст. 84 Конституции Российской Федерации [9] и отражает позицию Главы государства по основным направлениям внутренней и внешней политики на текущий год и ближайшую перспективу, а также информацию о принятых и планируемых решениях в рамках установленных полномочий. Послание является

главным программным документом российской власти и дает обществу определенные ориентиры того, какие проблемы, по мнению Президента Российской Федерации, являются актуальными и каков механизм их решения. Важность и обязательность положений ежегодных посланий Президента Российской Федерации проявляется в том, что после их оглашения, органы законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также органы местного самоуправления принимают постановления, распоряжения, издают приказы, направленные на реализацию посланий [17]; [11].

В послании Президента Российской Федерации в 2007 г. идет речь о том, что новой принципиальной особенностью нацпроектов стала их инновационная направленность. Имеется в виду такое направление развития, которое связано с использованием и внедрением самых передовых технологий [11]. Документ ориентирован на модернизацию экономики, решение конкретных задач, которые позволят России стать крупнейшей энергетической и транспортной державой.

В 2008 году особое внимание в Послании Президента Российской Федерации уделяется модернизации образования, в частности школ [12]. В ее рамках предлагалось введение нового поколения образовательных стандартов, стимулирования педагогов и развитие творческих способностей учеников.

В следующем Послании Президента Российской Федерации от 12 ноября 2009 года Дмитрий Медведев обозначил пять направлений модернизации экономики [13]. Это — внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, а также развитие космических и телекоммуникационных систем. В послании предложено создать российский аналог «Силиконовой долины». Соответствующий закон о создании «Сколково» был подписан 28 сентября 2010 года [22].

Таким образом, в каждом из перечисленных посланий Президента Российской Федерации упоминается о модернизации экономики, а также о полученных результатах в данной сфере. Отмечается, что «достигнут самый высокий с советских времен уровень финансирования научных исследований и разработок, построена дееспособная система институтов развития, постепенно снижается энергоемкость российской экономики» [14].

За исследуемый хронологический период было принято более трех десятков нормативных правовых актов, в названии или содержании которых наличествуют слова «модернизация»,

«инновации». В основном эти акты касаются сфер здравоохранения, образования, бюджетной, транспортной систем, экономики Российской Федерации. Среди них особый интерес представляет Федеральная целевая программа «Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009—2015 годы)», целью которой является повышение безопасности полетов и эффективности использования воздушного пространства на основе использования новых технических средств и технологий [16]. Также в качестве примера можно привести Указ Президента РФ от 18 июня 2012 года № 878 «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России» [21]. Совет при Президенте Российской Федерации должен содействовать осуществлению правительственного курса инновационного развития, называемого «Стратегия 2020», а также иных мероприятий, направленных на модернизацию экономики [19]. Изучив данные акты, а также иные документы, можно резюмировать, что под модернизацией, имманентной различным сферам понимается улучшение, повышение эффективности, внедрение новых, более перспективных систем и технологий. Однако данное понятие можно отнести к оценочным, потому что как показывает практика, не всегда модернизация приводит к улучшению. Например, нельзя однозначно оценить модернизацию образования, а именно введение единого государственного экзамена, государственных именных финансовых обязательств, изменение статуса образовательных учреждений, переход на нормативное подушевое финансирование в общем образовании и реструктурирование сети сельских школ, в отношении которых до сих пор ведутся ожесточенные дискуссии. Также неоднозначно можно оценить и реформу в сфере здравоохранения. Общеизвестен тот факт, что в данной реформе содержится много противоречий и таких мер, которые не самым лучшим образом «модернизируют» наше здравоохранение (например, повышение заработной платы только семейным врачам, в результате чего — движение кадров; ликвидация сельских больниц и др.).

Подчеркнем, что на законодательном уровне не закреплены определения упомянутых терминов (что касается инноваций, то легально даются лишь определения инновационной деятельности, инновационного процесса и др.). Однако предпринята попытка дать такое определение на уровне федеральных подзаконных нормативных актов [18].

На региональном уровне определения инновации содержатся в ряде законов субъектов России, при этом предложенные определения

ограничены сферой и территорией действия соответствующего акта (в настоящее время специальные законы имеют около 60 субъектов Федерации). В указанных законах инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности (ст. 2 Закона Челябинской области от 26 мая 2005 г. № 383-ЗО «О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области») [8], как результат научного, интеллектуального труда, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, процесса, обладающего коммерческим потенциалом (ст. 2 Закона Республики Ингушетия от 7 декабря 2010 г. № 58-РЗ «Об инновационной деятельности в Республике Ингушетия») [6], как конечный результат инновационной деятельности (товар, технология, работа, услуга), обладающий новизной, пользой и (или) социальной значимостью, используемый в практической деятельности (ст. 2 Закона Краснодарского края от 5 апреля 2010 г. № 1946-КЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Краснодарском крае») [7].

В теории права также были приняты попытки дать определение термину «инновации». Однако таковые не отличаются унификацией.

Отметим, что понятие «инновация» является по своей сути экономическим явлением. Основоположник теории инноваций Й. Шумпетер рассматривал инновацию как средство предпринимательства для получения прибыли [23]. В современной экономической литературе понимание сути инноваций не изменилось. В общем виде под инновацией понимается предмет (результат, продукт, объект), полученный в ходе овеществления или коммерциализации продуктов научно-технической деятельности [10].

В юридической литературе отмечается, что инновация представляет собой созданное с использованием новейших научных достижений и внедренное на рынок или в практическую деятельность новшество, воплощенное в новых товарах (работах, услугах) или процессах [5, с. 251]; [20, с. 770—774]. Д.В. Грибанов определяет инновацию как объект правоотношения, отличающийся своим нематериальным содержанием и представляющий собой полезное знание, существующее в виде организованного процесса или продукции [4, с. 144—155].

М.В. Вольнкина понимает под инновациями вовлечение в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности, содержащих новые, включая научные, знания с целью удовлетворения общественных потребностей и (или) получения прибыли [2, с. 33]. В данном определении цель получения прибыли не является

единственно возможной, присутствует также цель удовлетворения общественных потребностей. О.А. Городов связывает понятие инноваций с результатами интеллектуальной деятельности, определяя их как результат (охраняемый либо неохраняемый), воплощенный в виде нового или усовершенствованного продукта, подлежащего реализации, процесса либо в новом подходе при решении социально-культурных задач [3, с. 18]. Отметим, что и в данном определении присутствует «социальная составляющая».

По мнению А.В. Белицкой под инновацией следует понимать конечный результат инновационной деятельности, обладающий новизной, коммерческим потенциалом и (или) социальной пользой или значимостью, существующий в виде организованного процесса или продукции, внедренных в практическую деятельность [1, с. 11—14]. Авторы полагают, из всех представленных данная дефиниция является наиболее универсальной и отвечает требованиям времени.

Резюмируя все вышеизложенное авторы отмечают, ввиду того, что термины «модернизация», «инновации» касаются столь важных сфер как образование, экономика, здравоохранение, представляется целесообразным выработать их унифицированное определение на законодательном уровне. Эта необходимость обусловлена еще тем, что на практике инновации и модернизация не всегда являются благом, что позволяет предположить непонимание многими государственными органами и структурами сути данных понятий, которые по идее должны быть направлены на устойчивое повышение благосостояния граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, а не наоборот.

Список литературы:

1. Белицкая А.В. Инновации и инновационная деятельность: проблема определения и правового закрепления // *Предпринимательское право*. — 2011. — № 3.
2. Волынкина М.В. Инновации и предпринимательство: соотношение понятий // *Закон*. — 2006. — № 4.
3. Городов О.А. Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности). — СПб, 2008.
4. Грибанов Д.В. Ресурсы и правовое регулирование инновационной экономики // *Российский юридический журнал*. — 2010. — № 4.
5. Ершова И.В., Иванова Т.М. *Предпринимательское право*. — М.: Юриспруденция, 1999.

6. Закон Республики Ингушетия от 7 декабря 2010 г. № 58-РЗ «Об инновационной деятельности в Республике Ингушетия» // Ингушетия. — 2010, 18 декабря.
7. Закон Краснодарского края от 5 апреля 2010 г. № 1946-КЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Краснодарском крае» // Кубанские новости. — 2010, 8 апреля.
8. Закон Челябинской области от 26 мая 2005 г. № 383-ЗО «О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области» // Южноуральская панорама. — 2005, 9 июня.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. — 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
10. Повышение инновационной эффективности экономики России / Под ред. В.П. Логинова, А.С. Кулагина. М., 1994. С. 8.
11. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г. // Российская газета. — 2007, 27 апреля.
12. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. — 2008, 6 ноября.
13. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. — 2009, 13 ноября.
14. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. — 2011, 23 декабря.
15. Постановление Администрации г. Железногорска Курской области от 1 июня 2010 г. № 1273 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2010 году Послания Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года на территории города Железногорска» // Железногорские новости. — 2010, 10 июня.
16. Постановление Правительства РФ от 1 сентября 2008 г. № 652 «Федеральная целевая программа «Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009—2015 годы)» // СЗ РФ. — 2008. — № 37. — Ст. 4209.
17. Приказ Министерства образования и науки РФ от 14 января 2009 г. № 2 «Об организации в Минобрнауки России, подведомственных ему федеральных службах и федеральных агентствах работы по выполнению послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2008 года» // Вестник образования России. — 2009, № 1.
18. Приказ Росстата от 30 октября 2009 г. № 237 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью, осуществляемой в сфере науки и инноваций» // Вопросы статистики. — 2010. — № 2.

19. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. – 2008. — № 47. — Ст. 5489.
20. Российское предпринимательское право / Отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. – М.: ТК «Велби»; Проспект, 2006.
21. Указ Президента РФ от 18 июня 2012 г. № 878 «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70090762/>.
22. Федеральный закон РФ от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» (с изм. от 10 июля 2012 г.) // Российская газета. — 2010, 30 сентября.
23. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Пер. с нем. В.С. Автономова и др. — М.

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ

Хлуднев Александр Александрович

*студент факультета юридических и исторических наук
ФГБОУ ВПО «ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского»,
г. Чита*

E-mail: futurelawyer1991@mail.ru

Харитонова Оксана Валерьевна

*заведующий кафедрой государственного права
факультета юридических и исторических наук
ФГБОУ ВПО «ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского»,
г. Чита*

E-mail: futurelawyer1991@mail.ru

Раскрывая роль судебных органов в рассмотрении и разрешении избирательных споров, целесообразно обратиться к системному толкованию ряда норм Конституции РФ. Например, согласно ч. ч. 1 и 2 ст. 32 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Граждане Российской

Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме [5].

В правовой доктрине отмечается, что указанные права граждан стоят в центре всех процессов формирования органов государства, т. е. носят властеобразующий характер. Всеобщие выборы органов государственной власти и референдумы предоставляют народу уникальную возможность контроля за деятельностью этих органов.

Отмечается, что при толковании данной нормы Конституции РФ избирательное право подразделяется на активное, предполагающее право избирать, и пассивное, сущность которого состоит в праве быть избранным [1, с. 47].

Одновременно с этим, необходимо иметь в виду, что в зависимости от уровня выборов, определяемого территорией их проведения, выделяются выборы в федеральные органы государственной власти (выборы Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ); выборы законодательных органов субъектов РФ; выборы в органы местного самоуправления.

Статьей 45 Конституции РФ определено, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется [5]. Своеобразной детализацией приведенной гарантии, как представляется, выступает норма, закрепленная в ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита, одним из проявлений которой выступает положение о том, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд [5]. Следует указать, что норма, содержащаяся в п. 2 ст. 75 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав») [13] своеобразно дублирует положения ч. 2 ст. 45 Конституции РФ применительно к избирательным правоотношениям [5].

Таким образом, Конституция РФ исходит из достаточно весомой роли судебных органов в защите как активного, так и пассивного избирательного права на федеральном, региональном или местном уровнях. Соответственно, рассмотрение и разрешение избирательных споров осуществляют судебные органы, распространяющие свою юрисдикцию соответственно на федеральный, региональный и местный уровни. Как отмечает А.В. Подшивайлова, судебные дела

по жалобам на нарушение избирательных прав, права на участие в референдуме граждан РФ имеют особое значение, поскольку затрагивают конституционные политические права. Решения судов по таким делам приобретают широкий резонанс в обществе [11, с. 24]. Е.П. Ищенко, отмечая значимость судебной защиты, указывает на то, что судебная власть должна стоять в стороне от конкурентной борьбы кандидатов на выборные должности в государственные органы и в органы местного самоуправления. Она формируется иначе, чем законодательная и исполнительная ветви власти, а потому должна выступать гарантом законности выборов любого уровня. Судам отводится важная роль как инструменту пресечения нарушений законодательства, допускаемых в ходе выборов, обеспечения законности действий и решений организаторов избирательного процесса [4, с. 509].

Отметим, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. При этом, последние три вида являются средством осуществления правосудия судами общей юрисдикции. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона 07 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее по тексту — ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ») данные суды рассматривают все гражданские и административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов, за исключением дел, которые в соответствии с законодательством РФ рассматриваются другими судами [13]. При этом, под гражданским судопроизводством в правовой доктрине, в частности по мнению М.К. Треушникова [3, с. 25], Н.М. Коршунова, Ю.Л. Мареева [2, с. 23] понимается порядок производства по гражданским делам, определяемый нормами гражданского процессуального права. Термин «гражданские дела» в данном случае в узком понимании означает дела, возникающие из гражданских правоотношений, а в широком — все дела, рассматриваемые по правилам гражданского судопроизводства.

Статьей 2 Гражданского процессуального кодекса РФ определены основные задачи гражданского судопроизводства. К ним отнесено правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Как отмечается в правовой

доктрине, задача защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов конкретизируется применительно к каждому делу и реализуется во всех стадиях процесса, в судебных постановлениях судов различных инстанций, главным образом в решении суда первой инстанции. Именно в решении получают защиту нарушенные и оспариваемые права и свободы граждан и организаций [6, с. 14]. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, определяющей круг гражданских дел, отнесенных к компетенции суда общей юрисдикции, данные судебные органы рассматривают и разрешают дела, возникающие из публичных правоотношений, указанные в ст. 245 ГПК РФ, которым относятся споры по заявлениям о защите избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [9, с. 12].

Таким образом, рассмотрение и разрешение избирательных споров относится к компетенции судов общей юрисдикции и осуществляется ими в порядке гражданского судопроизводства.

Одновременно с этим, не стоит забывать, что одной из особенностей избирательных споров выступает то обстоятельство, что рассматривать и разрешать их помимо судебных органов могут также соответствующие избирательные комиссии.

В частности, согласно ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» (п. 6) решения и действия (бездействие) комиссий и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан и право гражданина на участие в референдуме, могут быть обжалованы в непосредственно вышестоящую избирательную комиссию, которая обязана, не направляя жалобу в нижестоящую комиссию, за исключением случая, когда обстоятельства изложенные в жалобе, не были предметом рассмотрения нижестоящей комиссии, рассмотреть жалобу и принять одно из установленных решений [13].

Важными в связи с альтернативой обращения в суд или вышестоящую избирательную комиссию являются нормы, изложенные в п.п. 8 и 9 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав», согласно которым предварительное обращение в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта РФ, ЦИК России не является обязательным условием для обращения в суд. В случае принятия жалобы к рассмотрению судом и обращения того же заявителя с аналогичной жалобой в соответствующую комиссию эта комиссия приостанавливает рассмотрение жалобы до вступления решения суда в законную силу. В случае вынесения судом решения по существу жалобы комиссия прекращает ее рассмотрение. Как отмечается в правовой доктрине,

в данном случае предусматривается приоритет суда в рассмотрении жалоб на нарушения прав граждан и их права на участие в референдуме [7].

В этой связи актуальным представляется проблема разграничения полномочий по рассмотрению и разрешению избирательных споров между судами и соответствующими избирательными комиссиями.

Например, с точки зрения юридической техники вопрос вызывает приведенная выше норма, закрепленная в п. 6 ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав», исходя из которой ограничением для вышестоящей избирательной комиссии при рассмотрении спора является лишь случай, когда обстоятельства изложенные в жалобе, не были предметом рассмотрения нижестоящей комиссии. При буквальном толковании приведенного положения получается, что решения и действия (бездействие) комиссий и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан и право гражданина на участие в референдуме, которые были предметом рассмотрения в суде, также могут быть оспорены в вышестоящей избирательной комиссии. Такое положение, как представляется, противоречит требованиям ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, согласно которой вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. В связи с изложенным, предлагается дополнить п. 6 ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» после слов «не были предметом рассмотрения нижестоящей комиссии» дополнить соответственно «или суда».

Также вопрос вызывает процедура приостановления вышестоящей избирательной комиссией рассмотрения жалобы до принятия и вступления в законную силу решения суда. Например, согласно ст. 54 Регламента ЦИК России, утвержденного постановлением ЦИК России от 28 июня 1995 года № 7/46-П в случае принятия жалобы к рассмотрению судом и обращения того же заявителя в ЦИК России с аналогичной жалобой, последняя приостанавливает рассмотрение жалобы до вступления решения суда в законную силу. В случае вынесения судом решения по существу жалобы ЦИК России прекращает ее рассмотрение [12]. Приведем пример из судебной практики. Определением Верховного Суда РФ от 31 марта 2004 года по делу № 58-Г04-4 оставлено без изменения решение Хабаровского

краевого суда от 04 декабря 2004 года. Согласно материалам дела, Избирательная комиссия Хабаровского края по заявлению кандидата в депутаты Государственной Думы ФС РФ 25 ноября 2003 года приняла постановление, которым признала незаконным отказ редакции газеты «Приамурские ведомости» опубликовать агитационный материал кандидата. ООО «Редакция газеты «Приамурские ведомости» обратилось в суд с заявлением об отмене данного постановления, ссылаясь на то, что избирательная комиссия должна была приостановить рассмотрение жалобы, поскольку кандидат одновременно обратился с жалобой в суд. Решением Хабаровского краевого суда заявление удовлетворено. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ отмечено, что у Избирательной комиссии Хабаровского края отсутствовали законные основания для рассмотрения жалобы и поэтому ее решение не может быть признано законным [10].

Как отмечает Е.П. Ищенко, при приостановлении избирательной комиссией рассмотрения жалобы до вступления решения суда в законную силу, последняя должна руководствоваться в том числе положениями ст. 250 ГПК РФ [8, с. 384]. Согласно норме, содержащейся в указанной статье, после вступления в законную силу решения суда по делу, возникающему из публичных правоотношений, лица, участвующие в деле, а также иные лица не могут заявлять в суде те же требования и по тем же основаниям. В то же время, необходимо отметить, что ни Федеральным законом, ни Регламентом ЦИК России не предусматривается сам по себе порядок реализации приведенных норм, т. е. сама по себе процедура приостановления, возобновления либо прекращения рассмотрения избирательной комиссией вопроса по существу.

При указанных обстоятельствах, целесообразным полагаем изложить п. 9 ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав» в следующей редакции: «В случае принятия жалобы к рассмотрению судом и обращения того же заявителя с аналогичной жалобой в соответствующую комиссию эта комиссия приостанавливает рассмотрение жалобы до вступления судебного постановления в законную силу. В случае вынесения судом решения по существу жалобы комиссия прекращает ее рассмотрение». Отметим, что формулировка «до вступления решения суда в законную силу» также выступает в определенной степени некорректной, поскольку вступает в противоречие с ч. 1 ст. 13 ГПК РФ, согласно которой суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума

суда надзорной инстанции, таким образом ограничиваться лишь упоминанием решений суда представляется нецелесообразным.

Исходя из изложенного, автор отмечает достаточно весомую роль судебных инстанций в рассмотрении и разрешении споров, связанных с защитой избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. Одновременно, необходимо указать на некоторые разночтения, связанные с построением и соотношением норм Гражданского процессуального кодекса РФ и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав».

Список литературы:

1. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. — М.: Проспект, 2008. — 256 с.
2. Гражданский процесс: учебник / Н.М. Коршунов, Ю.Л. Мареев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 912 с.
3. Гражданский процесс: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: Издательский Дом «Городец», 2010. — 816 с.
4. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / отв. ред. А.А. Вешняков. — М.: Издательство НОРМА, 2003. — 816 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года) // «Российская газета», № 7, 21.01.2009.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушникова. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007. — 1008 с.
7. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/comment/.
8. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А.А. Вешнякова, В.И. Лысенко. — М.: Норма, 2003. — 896 с.
9. Настольная книга судьи по гражданским делам / под ред. Н.К. Толчеева. — 2-е изд., переаб. и доп. — М.: Проспект, 2009. — 656 с.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2004 года № 58-Г04-4 // СПС «Консультант Плюс».
11. Подшивайлова А.В. Понятие и особенности избирательного спора // Право и политика. № 11. 2005.

12. Регламент Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Утвержден постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 июня 1995 года № 7/46-П // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.cikrf.ru/law/decre_e_of_cec/reglament.html.
13. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета, № 106, 15.06.2002.

СЕКЦИЯ 6.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН СНГ

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент филиала

Российского государственного гуманитарного университета,

г. Великий Новгород

Богданов Анатолий Геннадьевич

адвокат коллегии адвокатов Великого Новгорода «Защитник»,

г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

Одной из основополагающих категорий административного процесса является формулирование и закрепление в кодексах (проектах) принципов исследования доказательств в административном процессе стран СНГ. Порядок исследования доказательств и их допустимость являются важнейшими элементами административного процесса. В исследуемых кодексах (проектах) в административном процессе стран СНГ доказательства, порядок получения доказательств, их допустимость разрешаются по-разному.

Рассмотрим сущность и основные положения допустимости доказательств в административном процессе на основе анализа Административно-процессуального кодекса Азербайджанской республики (2009 года) [1], Кодекса административного судопроизводства Украины [3], а также проектов Административного процессуального кодекса Республики Казахстан [2] и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [4], содержание принципов административного процесса, а также возможные пути исследования доказательств, в частности в административном судопроизводстве.

Необходимо отметить, что порядок исследования доказательств указаны во всех Административно-процессуальных кодексах (проектах), в каждом их них определены особенности получения и исследования доказательств, установлены понятие доказательств,

принадлежность и допустимость доказательств, обязанность доказывания, основания для освобождения от доказывания, обеспечение доказательств и способы, оценка доказательств.

В основном, в кодексах (проектах) выделяются отдельные положения, определяющие основной порядок исследования и получения доказательств, однако только в статье 58.1. Административно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики указывается, что доказательства исследуются судом в устном судебном заседании [1].

В первую очередь, следует отметить, что административно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики устанавливает право суда проводить осмотр доказательств на месте, допрашивать свидетелей, экспертов и участников процесса, истребовать необходимые документы. Например, поданное в устном судебном заседании ходатайство о приобщении доказательств может быть отвергнуто только на основании обоснованного судебного определения [1].

Исследуя порядок исследования доказательств, следует отметить, что подробная регламентация порядка приводится в проекте Административно-процессуального кодекса Республики Казахстан [2]. В вышеуказанном проекте указывается, что доказательствами по делу являются полученные законным способом фактические данные, на основе которых в предусмотренном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Фактические данные устанавливаются объяснениями сторон и заинтересованных лиц, показаниями свидетелей, вещественными доказательствами, заключениями экспертов, протоколами процессуальных действий, протоколами судебных заседаний, отражающими ход и результаты процессуальных действий, и иными документами [2].

Следует отметить, что в статье 58.5. Административно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики указывается возможность в случае необходимости, суд может обратиться в другой суд для исследования или сбора доказательств с указанием конкретных обстоятельств, которые необходимо выяснить. В статье 58.6. Административно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики подчеркивается, что при исследовании доказательств суд может возобновить или дополнить доказывание, осуществленное административным органом. Доказательства оцениваются после полного и всестороннего исследования их судом [1].

В статье 36 проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [9] определены относимость и допустимость доказательств, в том числе суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для дела и полученные в соответствии с правилами, установленными Кодексом, а также не могут быть использованы с целью получения доказательств проведенные оперативно-розыскные мероприятия.

Исходя из представленных в кодексах (проектах) порядка исследования доказательств в административном процессе следует указать, что, несмотря на общие основания исследования доказательств в административном процессе, в кодексах (проектах) имеются особенности, в значительной степени влияющие на организацию судебного процесса. Например, в проекте Административного процессуального кодекса Республики Казахстан предусмотрено, что при необходимости суд выдает лицу, заявившему ходатайство, запрос для получения доказательства. Лицо, у которого находится истребуемое судом доказательство, направляет его непосредственно в суд или выдает на руки лицу, имеющему соответствующий запрос, для представления в суд. Доказательства по корпоративным спорам должны быть истребованы только судом и направляться непосредственно в суд. Должностные или иные лица, от которых судом истребуется доказательство, не имеющие возможности представить его вообще или в установленный судом срок, обязаны известить об этом суд с указанием причин в пятидневный срок со дня получения запроса суда [2]. В проекте предусмотрена ответственность и порядок наложения административного взыскания на лицо, владеющее истребуемым доказательством, а также освобождения от обязанности его представления суду. В случае злого неисполнения требования суда указанные лица несут уголовную ответственность, а если сторона удерживает у себя истребуемое судом доказательство и не представляет его по запросу суда, предполагается, что содержащиеся в нем сведения направлены против интересов этой стороны и считаются ею признанными [2].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что приоритет прав и свобод человека и гражданина как принцип правосудия предполагает обязательность соблюдения равенства сторон; приоритет интересов гражданина; освобождение от обязанности давать свидетельские показания; право на обжалование процессуальных действий, их признания, соблюдения и защиты.

Одним из основных принципов, указанных в административно-процессуальных кодексах (проектах) является принцип правовой

защищенности граждан в административном процессе. Необходимо отметить, что в Административно-процессуальном кодексе Азербайджанской республики [1] указывается на обязанность суда оказывать содействие участникам процесса, а в проекте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [9] устанавливается принцип приоритета интересов гражданина.

Вместе с тем, следует отметить, что законодатели при подготовке кодексов (проектов) Административного процессуального кодекса Республики Казахстан [2] и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [9]) ставили перед собой схожие задачи, что, в конечном счете, отразилось на процедурах, указанных в нормативных актах. В частности, Проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [9] в статье 3, закрепляя задачи административного производства, указывает о «правильном и своевременном рассмотрении и разрешении административных дел в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами, а в случаях, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, Кодексом и законами субъектов Российской Федерации, в целях защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов заявителей, а также общественных и государственных интересов от неправомерных решений и действий (бездействия) административных ответчиков».

Проект Административного процессуального кодекса Республики Казахстан [2] расширяет понятие «административного производства», расширительно толкуя процесс как внесудебного, так и судебного порядка. В частности, в статье 8 проекта Кодекса Республики Казахстан указывает, что административное производство защищает нарушенные или оспариваемые права, свободы и охраняемые законом интересы человека и гражданина, законные интересы юридических лиц, «укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, а также своевременное, всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с Кодексом, обеспечение исполнения вынесенного решения». Таким образом, остается дискуссионным вопрос о месте внесудебных процедур административного производства и способах доказывания в этом случае.

Административно-процессуальный кодекс Азербайджанской республики [1], значительно отличается тем, что рассматривает административных процесс только в части экономических споров,

что накладывает определенные условия предъявления доказательств и их допустимость в процессе.

Таким образом, представляется необходимым сформулировать критерии общих и специальных (отраслевых) принципов судопроизводства как основного способа рассмотрения дела в рамках существующих процессуальных форм, и механизма их реализации в особенной части процессуальных кодексов, единую процедуру доказывания, оценки доказательств, проверкой судебных решений.

Исходя из единства правовых и организационных основ административного процесса, представляется целесообразным включить принцип доказывания и оценки доказательств во все проекты административно-процессуальных кодексов и внести соответствующие изменения в кодексы.

Список литературы:

1. Административно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики, утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 июня 2009 года № 846-ШQ // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29866.
2. Административный процессуальный кодекс Республики Казахстан (проект) // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.minjust.kz/ru/node/12106>.
3. Кодекс административного судопроизводства Украины с доп. и изм. По закону Украины № 2453-У1 от 07.07.2010 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://kodeksy.com.ua/ka/kas.htm>.
4. Проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации № 381232-4 от 10.03.2012 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.aasp.ru/info/articles/12/1112.html>.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ

Нурмаганбет ЕрмекТалантулы

*канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета КазНУ имени аль-Фараби,
г. Алматы*

E-mail: ermek004@mail.ru

Накишева Махаббат Кенжсехановна

*канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры таможенного,
финансового и экологического право
юридического факультета КазНУ имени аль-Фараби,
г. Алматы*

E-mail: mahink@mail.ru

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Советский Союз, задолго до создания Европейского союза (ЕС), отвечал критериям регионального интеграционного объединения. В бывшем СССР существовали: зона свободной торговли; таможенный союз; единое экономическое пространство с четырьмя степенями свободы (движение товаров, капитала, услуг и рабочей силы).

В начале третьего тысячелетия многие государства мира активно выработывают взаимоприемлемые схемы развития глобального процесса интеграции, включающие как создание новых центров геополитического и геоэкономического влияния, так и модели регионального взаимодействия и сотрудничества. Разрушение Советского Союза, дезинтеграция республик, входивших в его состав, совпали по времени с завершающим этапом европейской интеграции — заключением валютного союза. Сразу после распада СССР и создания СНГ, в течение 1992—1993 г.г. 12 стран подписали между собой двусторонние соглашения о свободной торговле, которые провозгласили де-юре на всем пространстве СНГ зону свободной торговли с минимальными изъятиями. В 1993—1994 г.г. были подписаны многосторонние соглашения, которые в случае выполнения намеченных в них мер, могли привести к созданию на территории всех стран — членов СНГ Таможенного союза [12, с. 61—77].

В этот период в странах СНГ преобладали собственные национальные интересы, приведшие к существенному ослаблению

внешнеэкономических связей, их значительной переориентации на страны дальнего зарубежья. В результате при сокращении в этот период суммарного ВВП стран СНГ почти в два раза товарооборот России с этими государствами уменьшился более чем в 6 раз, составив в 1994 г. (по данным Государственного таможенного комитета России) 24,4 млрд. долл. [15].

Предпринятые в рамках СНГ в 1995—1997 гг. меры по развитию интеграционных процессов, связанные с началом формирования более свободных режимов торговли стран СНГ, позволили обеспечить некоторую стабилизацию экономических отношений этих государств [4, с. 211—219].

Товарооборот России со странами СНГ в 1997 г. составил 30,9 млрд. долл., или вырос по сравнению с 1994 г. на 26,6 %. Однако сложившаяся в 1998 г. ситуация на финансовых рынках сказалась и на развитии отношений со странами СНГ, взаимная торговля с которыми сократилась в 1999 г. до 19 млрд. долл., или на 38 % к уровню 1997 г. [15]

На дальнейшем развитии сотрудничества России со странами СНГ в 2000—2002 гг. преимущественное влияние оказала благоприятная конъюнктура мирового рынка, особенно энергетического. Последовавший в 2000 г. значительный рост товарооборота с этими государствами до 25,4 млрд. долл. (почти на 34 %) сменился в дальнейшем его стабилизацией примерно на том же уровне. Товарооборот России со странами СНГ в 2004 г. составил 46,1 млрд. долл., в том числе экспорт — 29,4 млрд. долл. и импорт — 17,7 млрд. долл. Положительное сальдо России в торговле со странами СНГ достигло 11,6 млрд. долл., или возросло по сравнению с 2001 г. в 1,6 раза [15].

Однако, заполнив образовавшийся вакуум на постсоветском пространстве и достаточно успешно решив задачу «цивилизованного развода» бывших советских республик, СНГ так и не смогло стать эффективно действующим региональным интеграционным объединением. В экономической сфере дальше режима свободной торговли с изъятиями и ограничениями продвинуться не удалось. В настоящее время СНГ, несмотря на ряд попыток его реформирования, по-прежнему представляет собой виртуальное интеграционное объединение со сложной, плохо управляемой бюрократической структурой [9, с. 256].

Таможенный союз — Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)

В середине 1990-х гг. была предпринята попытка придать новый импульс интеграционным процессам на постсоветском пространстве.

В 1995 г. было заключено соглашение о Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Данное интеграционное объединение просуществовало недолго и в 2000 г. было преобразовано в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).

При подготовке пакета документов о его создании были обозначены этапы и конечная цель: Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Предусматривалась возможность принятия принципиальных решений голосованием, где каждая страна, в зависимости от экономического потенциала, имела определенный процент голосов. Однако не были зафиксированы и четко прописаны возможности создания соответствующих институциональных органов международной организации.

В результате если еще на первоначальном этапе работы над созданием Таможенного союза (к концу 1995 г.) были унифицированы ставки таможенного тарифа практически на 100 %, то в последние годы уровень унификации составляет 56—60 % [5, с. 13—32]. Главная причина снижения уровня унификации в том, что все решения по изменению ставок таможенного тарифа принимаются национальными органами стран-участниц, а не единым наднациональным органом. Тем не менее, ЕврАзЭС — перспективная региональная организация, построенная с учетом основных принципов Евросюза, которая имеет четкие экономические цели и действенную институциональную структуру. Именно в ЕврАзЭС создана полноценная зона свободной торговли без изъятий и ограничений.

В соответствии с документом «Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003—2006 и последующие годы» предстоит завершить до конца 2006 г. подготовку к формированию Таможенного союза. В долгосрочной перспективе возможно образование и валютного союза [7, с.4].

Предпосылки создания Единого экономического пространства (ЕЭП) как организации региональной интеграции

Цели создания Единого экономического пространства, как и круг основных его участников во многом совпадают с целями создания ЕврАзЭС. Объединить экономики решили именно Россия, Украина, Казахстан и Белоруссия. На долю этих государств приходится около 95 % общего экономического потенциала стран СНГ. При этом доля России составляет 82 % совокупного ВВП, 78 — промышленной продукции, 79 % инвестиций в основной капитал. Эти страны располагают наиболее развитым научно-техническим, промышленным, финансовым и кадровым потенциалом, полная и эффективная реализация которого требует более емкого рынка, в них проживает

215 млн. человек и они располагают огромными природными ресурсами, практически полностью обеспечивающими свои основные потребности [14, с. 15—26].

Немаловажным фактором является наличие значительной части русскоязычного населения и пока еще сохраняющиеся кооперационные связи между предприятиями, входившими ранее в единый экономический комплекс Советского Союза [3, с. 44—51].

Одним из мотивов создания Единого экономического пространства была попытка привлечь к более динамичным процессам интеграции Украину, которая не является членом ЕврАзЭС.

Основные этапы формирования ЕЭП.

Началом этой работы стало Заявление президентов Белоруссии, Казахстана, Российской Федерации, Украины от 23 февраля 2003 г. В нем была выражена готовность сторон начать переговоры по мерам, необходимым для формирования Единого экономического пространства. Конечная цель — провозглашение создания Организации региональной интеграции [17].

В целях технического обеспечения разработки проектов документов была образована экспертно-организационная группа ЕЭП (Орггруппа ЕЭП) при Интеграционном комитете ЕврАзЭС. В достаточно короткие сроки сторонам удалось подготовить многостороннее Соглашение о формировании Единого экономического пространства, Концепцию формирования Единого экономического пространства, которые были подписаны главами государств 19 сентября 2003 г. в г. Ялте. К Соглашению о формировании Единого экономического пространства была сделана оговорка со стороны Украины, согласно которой республика будет принимать участие в его функционировании в пределах, соответствующих ее конституции [16].

В апреле — мае 2004 г. указанные документы почти синхронно были ратифицированы парламентами стран-участниц ЕЭП.

В процессе формирования ЕЭП заложен принцип равноуровневой, разноскоростной интеграции. В итоге государства — члены ЕЭП вправе самостоятельно определять скорость своего интеграционного движения, но не могут блокировать продвижение других партнеров.

В соглашении зафиксировано, что формирование ЕЭП требует создания координирующих, т. е. наднациональных органов, которые будут организовываться по мере необходимости. Принципиальные решения в этих органах будут приниматься с учетом экономического веса государств.

В мае 2004 г. главы государств ЕЭП подписали документ под названием Комплекс мер по формированию ЕЭП, который состоит из 22 разделов и охватывает в общей сложности 116 различных мероприятий по унификации законодательных актов. Данный документ определяет, какие шаги и в какой последовательности нужно принимать для формирования единого экономического пространства [10, с. 12].

На базе комплекса мер был разработан перечень из 85 основных международно-правовых документов по формированию ЕЭП и определены исполнители научно-исследовательских работ по подготовке указанных документов. В настоящее время перечень содержит 93 наименования проектов международно-правовых и иных документов [13, с. 11—12].

На саммите в Астане 15 сентября 2004 г. руководители государств-участников соглашения утвердили перечень из 29 международно-правовых и иных документов, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке (до 1 июля 2005 г.) [2, с. 25—29].

На саммите в Казани 27 августа 2005 г. было принято заявление глав государств, участвующих в формировании ЕЭП, в котором утверждены 15 соглашений, направленных на углубление интеграционных процессов. Их подписание в совокупности с пакетом из 29 документов, утвержденным 15 сентября 2004 г., обеспечит с учетом норм и правил ВТО формирование общего таможенного тарифа, определение единых правил конкурентной политики и субсидирования, унификацию мер нетарифного регулирования и торговых режимов по отношению к третьим странам, упрощение порядка таможенного оформления и таможенного контроля на внутренних таможенных границах с последующей их отменой [2, с. 26].

Главы государств поручили членам Группы высокого уровня до 1 декабря 2005 г и до 1 марта 2006 г. доложить о готовности к подписанию второго пакета из 15 документов. С таким алгоритмом работы согласились главы государств Белоруссии, Казахстана и России. Украинская сторона заявила, что она определит этапность своего участия исходя из принципа равноуровневой и разноразностной интеграции с учетом норм и правил ВТО. По всей видимости, указанные документы будут подписаны в трехстороннем формате, без участия Украины. Кроме того, Группе высокого уровня было поручено подготовить проект единого кодифицированного международно-правового документа по формированию ЕЭП. Стороны завершают подготовку 29 документов, подлежащих согласованию

и подписанию в первоочередном порядке, и после этого планируют приступить к выполнению внутригосударственных процедур, необходимых для принятия решения об их подписании [6, с. 12—19].

Основные принципы и преимущества создания ЕЭП.

К основополагающим принципам Соглашения о формировании ЕЭП можно отнести следующие: политический союз не предусматривается; правовая база на основе норм и правил ВТО; использование интеграционного опыта Европейского союза; поэтапная интеграция; разносторонней и разноуровневой подходы; возможность присоединения к соглашению для других стран.

В соглашении зафиксировано положение, касающееся создания координирующих, т. е. наднациональных органов, по мере необходимости их учреждения. В частности, планируется создать Секретариат глав государств, где предусматривается принятие решений на основе консенсуса. Наднациональным органом должна стать единая регулирующая межгосударственная независимая Комиссия по торговле и тарифам, в которой решения будут приниматься с учетом экономического веса государств.

Важно подчеркнуть, что разработка правовой базы ЕЭП осуществляется на основе норм и правил ВТО и опыта интеграции Европейского союза, что в перспективе делает совместимым Единое экономическое пространство России, Белоруссии, Казахстана и Украины с Общим европейским экономическим пространством (ОЕЭП) [8, с. 115—119].

Основные проблемы формирования ЕЭП.

Одной из основных проблем остается особая позиция Украины по ключевым вопросам интеграции в рамках ЕЭП. Новая политическая элита Украины до сих пор сомневается, совместимо ли ЕЭП с «европейским выбором страны». Для Украины преимущества евроинтеграции очевидны. Взятый курс на форсированное вступление в европейские политические и экономические структуры вряд ли может быть принципиально скорректирован в ближайшие годы. Украина сегодня имеет более тесные связи с Европейским союзом, чем со странами СНГ и более активно развивает с ним торгово-экономические связи. Кроме объективных факторов, определяющих европейский выбор Украины, действует и ряд сильных субъективных факторов, этнопсихологического характера.

При разработке документов ЕЭП изначально Украина выступала за создание только зоны свободной торговли без изъятий и ограничений, полагая, что достичь этого можно без унификации правовой базы, в том числе во внешнеэкономической сфере, сфере

регулирования инвестиций, конкурентной политики и субсидирования, защиты интеллектуальной собственности и др. Поэтому ряд документов, которые подписывали страны-участницы имели оговорки с украинской стороны. Это касается, прежде всего, Соглашения о формировании единого экономического пространства и подписания двух пакетов документов из 15 и 29 соглашений, утвержденных президентами стран-участниц и направленных на углубление интеграционных процессов по формированию ЕЭП.

Серьезной проблемой остается координация позиций стран ЕЭП по условиям вступления в ВТО. Переговоры о вступлении являются приоритетными для всех стран-участниц проекта. Эти страны испытывают давление в вопросе расширенного доступа к рынкам, прежде всего энергоресурсов, сельскохозяйственной и промышленной продукции, как условия одобрения вступления в организацию со стороны других членов.

Наибольшую озабоченность также вызывает позиция Украины, которая форсирует вступление в ВТО, за счет уступок, которые могут иметь непредсказуемые последствия. Правительство Украины планирует до конца текущего года стать членом ВТО. Ее активно поддерживают США, ЕС и другие страны.

Однако условия, на которых Украина может стать членом ВТО, вынудят Россию, а возможно и Белоруссию защищать свои рынки путем введения таможенных ограничений, что соответственно ставит под вопрос идею Украины о создании в рамках ЕЭП зоны свободной торговли без изъятий и ограничений.

Примерно такая же проблема возникает в связи с присоединением России к Киотскому протоколу, который вступил в силу в феврале 2005 г. [1]. Этот протокол означает принятие Россией обязательств в вопросах согласования сокращения выбросов углекислого газа с целью приведения их к уровню, который должен быть ниже зафиксированного в 1990 г. Таким образом, международные аспекты формирования ЕЭП могут оказать заметное влияние на ход всего переговорного процесса.

Необходимо сосредоточить усилия на всемерном укреплении и поддержке ЕврАзЭС, где создана зона свободной торговли без изъятий и ограничений, реализуются многосторонние проекты, прежде всего в ключевых секторах экономики — энергетике и транспорте. До конца 2006 г. предстоит завершить подготовку к формированию Таможенного союза. В долгосрочной перспективе возможно образование и валютного союза. Вопросы военно-

политического характера полностью относятся к Организации договора о коллективной безопасности [11].

Импульс интеграционным процессам и активизации торгово-экономического сотрудничества в странах СНГ может дать реализация идеи создания Единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Чтобы создать такое пространство, надо сблизить хозяйственное, внешнеторговое и таможенное законодательство, механизмы ценообразования и налогообложения.

Россия четко обозначила европейский вектор своей политики в направлении формирования с ЕС «четырёх общих пространств», в том числе и экономического. В соответствии с концепцией, одобренной на римском саммите России — ЕС в 2003 г., Общее европейское экономическое пространство (ОЕЭП) России и Евросоюза призвано содействовать: сближению правовых и экономических систем; углублению институционального взаимодействия; дальнейшему продвижению энергодиалога; решению вопросов сопряженности транспортных сетей; реализации крупных проектов, имеющих общеевропейское значение; развитию сотрудничества в инновационной и научно-технических областях.

Вероятен и другой сценарий. Украина отказывается продолжить работу по формированию Единого экономического пространства или не соглашается идти в этих рамках дальше зоны свободной торговли и начинает процесс ускоренной подготовки к вступлению в Евросоюз. В этом случае вступает в силу сценарий разноскоростной интеграции. Единое экономическое пространство может реализовываться в формате трех стран с последующим возможным соединением с ЕврАзЭС на правовой базе ЭЭП. Осуществление такого проекта потребует большого объема работы по решению правовых, институциональных, технических, организационных и процедурных вопросов в ряде взаимосвязанных отраслей. Ключевое значение имеет правильная последовательность шагов, особенно с учетом предлагаемых сжатых временных рамок.

Список литературы:

1. Андрианов В. Проблемы формирования ЭЭП СНГ // Экономический интернет журнал. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://economic.narod.ru>.
2. Афонина В.Ю. Развитие межгосударственной интеграции в ЕврАзЭС и проблемы ее правового обеспечения // Проблемы современной экономики. — 2007. № 1. — с. 25—29.

3. Винницкий Д.В. Евразийское экономическое сообщество: правовые инструменты формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства // Правовая доктрина, 2010. — № 5 — с. 44—51.
4. Дабровски М. Обновленный Европейский союз и СНГ: реалии экономического сотрудничества // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2007. — № 6 — с. 211—219.
5. Дыбов А.И., Елина Л.А., Попов П.А. Считаем единый налог. Порядок определения доходов, расходов и расчета единого налога при применении УСНО // Главная книга. — 2008. — С. 13—32.
6. Кембаев Ж. Таможенный Союз Белоруссии, Казахстана и России // Юрист, 2011. — № 1. — 12—19 с.
7. Мансуров Т. Таможенный союз — реальная интеграция // Известия, 2008. — № 3. — 4 с.
8. Максимов Ю. Перспективы и реалии формирования Таможенного Союза // Хозяйство и право, 2010. — № 6. 115—119 с.
9. Сумароков В.Н. Расширение Европейского союза и внешнеэкономические связи России / В.Н. Сумароков, Н.В. Сумароков. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 256 с.
10. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России: состояние, проблемы, перспективы — монография под общ. ред. Б.К. Султанова — Алматы, 2009. — 155 с.
11. Таможенная территория и таможенное законодательство в Европейском Союзе // Материалы 11-й НТК МГТУ от 19—29 апреля 2000 г. — Мурманск, РИО МГТУ, 2000.
12. Фурман Е. Идея интеграции в ЕС и СНГ: социальная база и альтернативы/Е. Фурман / Современная Европа. — 2007. — № 2 — с. 61—77.
13. Чайка Ю.Я. Реальные инструменты интеграции // Закон и право. — 2004. — № 8.—С. 11—12.
14. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. Гл. 7. с. 15—26.
15. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.customs.ru/>.
16. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.qdpro.com.ua/index.html>.
17. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://palm.newsru.com/finance/19sep2003/eep.html>.

СЕКЦИЯ 7.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

О ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Ищанова Гульнар Тулемисовна

*канд. юрид. наук, ассоциированный профессор
Казахского национального педагогического университета им. Абая
г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: gulnar_tore@mail.ru*

Государственная власть — это весьма сложное и многомерное явление в жизни общества, с присущими ей тенденциями противоречивости. Отчасти поэтому наука до сих пор не выработала единой точки зрения на понятие и принципы данного явления. Не смотря на то, что не существует и целостной общепризнанной теории государственной власти, да и власти вообще как таковой. Вряд ли можно согласиться с взглядами Мишель Фуко, который проявления этого уникального феномена рассматривает как продолжают, как справедливо заметил, «остающееся чем-то загадочным, неопознанным, даже демоническим» [3, с. 206].

Истоки научного понимания власти как таковой заложены в значениях этого термина, которое воспроизводится в словарях русского языка. Так, например, в словаре С.И. Ожегова власть трактуется как «право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений, начальствование, управление, начальство, начальник или начальники» [8, с. 90].

В словаре В.И. Даля под властью понимается: «Право и возможность распоряжаться кем — чем-нибудь, подчинять своей воле... Политическое господство, государственное управление и его органы... лица, облеченные правительственными, административными полномочиями...» [6, с. 213].

В.Ф. Халипов, в свою очередь, приводит нам схожий со словарями русского языка перечень явлений, которые, по его мнению, наиболее часто рассматриваются как власть. Он пишет, что власть понимается как способность, право и возможность распоряжаться кем-либо и чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей с помощью различного

рода средств, как политическое господство над людьми, как система государственных органов, как лица, органы, облеченные соответствующими государственно-административными полномочиями [9, с. 15—16].

Приведенные нами трактовки власти дают общее весьма широкое представление о государственной власти, что говорит о ней как о закономерном явлении с неизменными характерными чертами. Однако для целей настоящего исследования природы власти необходимо установить то, что следует под категориями государственный аппарат, государственное управление и механизм государства.

Несмотря на множество подходов к определению государственной власти, на наш взгляд, для более содержательного и полноценного анализа сущности государственной власти как явления социального и общественного, следует, прежде всего, обратить пристальное внимание на истоки и природу власти как категории общесоциологической. Следуя данной логике, выясним, что есть власть с позиции социологии.

Современная кратология знает разнообразные трактовки понятия власти [4] и множество классификаций власти по различным критериям [7], что отражает всю сложность, многоаспектность этого уникального явления общественной жизни. Например, по мнению С.С. Фролова, «власть имеет множество степеней, оттенков и форм проявления от громкого окрика до шепота» [10, с. 45].

Одни теоретики понимают власть как влияние особого рода, другие как способность к достижению определенных целей, третьи — возможность использования разного рода средств, для четвертых власть представляется как особое отношение между управляющими и управляемыми субъектами [2, с. 34].

Как правило, под властью понимается способность ее субъекта (отдельного человека, руководства крупной корпорации, государства) навязывать свою волю другим людям, коллективам, организациям, распоряжаться и управлять их действиями, используя разного рода насильственные и ненасильственные средства и методы, с тем, чтобы приспособить их поведение к своим собственным интересам. Наиболее часто встречается следующее определение власти: «Власть — это специфический способ (средство), которое обеспечивает следование воли управляемого субъекта воле субъекта управляющего» [1, с. 5].

По нашему мнению, под социальной властью следует также понимать присущее всякой общности людей отношение господства и подчинения между субъектами, опирающееся на принуждение в той или иной форме.

Признаком любой власти является подчинение объекта субъекту. Характерной особенностью властных отношений является их асимметричность. На сегодняшний день большинство ученых признают, что власти в той или иной степени свойственно неравенство.

Несмотря на все противоречие и многообразие определений сущности социальной власти, представители социологической научной мысли (и не только они) считают, что власть как таковая всегда основана на принуждении. Однако некоторые ученые обращают внимание на то, что принуждение — это лишь признак власти, вследствие чего обычной ошибкой является отождествление власти с принуждением, которое, в свою очередь, является только ее наиболее заметным инструментом [11, с. 115]. Действительно, в современном обществе существуют властные отношения, основанные не столько на подчинении одного субъекта воле другого (управляемого управляющему), сколько на добровольном, осознанном признании его власти над собой.

Критерии классификации многообразны в зависимости от исторических периодов развития, политических интересов, взглядов той или иной социальной группы, представлены те или иные основания деления (экономическая, идеологическая, в том числе государственная и др.) [15].

Что касается власти государственной, то она, в свою очередь, также содержит элемент принуждения, исходящий от самого государства в лице его государственных органов и должностных лиц, и, следовательно, представляет собой особую разновидность власти социальной. Государственная власть, замечает Г.Ф. Шершеневич, «есть основанная на самостоятельной силе воля одних (властвующих) подчинить себе волю других (подвластных)» [12].

Государственная власть, формы ее организации и осуществления являются наиболее объемной и традиционной проблемой в государственно-правовой науке. Однозначные, разделяемые всеми подходы к определению данного вида власти в литературе отсутствуют.

Так, еще Л.И. Петражицкий указывал на невыясненность и спорность природы государственной власти [13]. В этом можно убедиться, знакомясь с работами видных дореволюционных русских правоведов Н.М. Коркунова, Л.И. Сорокина, В.М. Хвостова. Н.М. Коркунов писал: «Государственная власть, как сила, обусловленная сознанием граждан их зависимости от государства, порождает в общественной жизни своеобразные явления двойного рода. Во-первых, она побуждает граждан совершать то, что они считают необходимым для государства, от которого сознают себя

зависимым... Во-вторых, граждане подчиняются велениям отдельных лиц, признаваемых органами государственной власти» [14, с. 300].

В ином значении использовал термин «государственная власть» П.А. Сорокин: «Если государственная власть невежественна и руководится в своей политике не благом общества, а узкоэгоистическими соображениями собственной пользы, рост вмешательства таковой власти при прочих равных условиях едва ли будет плюсом, он скорее причинит общественный вред» [15, с. 90].

В.М. Хвостов утверждал: «Верховная власть государства в принципе так же едина, как само государство. Она не представляет собою совокупности отдельных полномочий, между которыми существуют пробелы, но есть связное: единство» [16, с. 15].

Сущность государственной власти в понимании большинства исследователей современной научно-правовой мысли в узкой трактовке представляется как отношение публично-политического характера господства и подчинения между субъектами данной власти, опирающееся на государственное принуждение [17].

По мнению Ю.А. Дмитриева государственная власть обладает следующими отличительными свойствами: только государственная власть имеет право на принятие нормативных актов; только государственная власть всегда осуществляется в определенных правовых рамках; только государственная власть обладает суверенитетом; только государственной власти присущ метод государственно-властного принуждения [18, с. 32].

Рассуждения Ю.А. Дмитриева о природе государственной власти отчасти верны, однако весьма коротки и неполны. Помимо вышеуказанных свойств государственная власть обладает и другими весьма значимыми отличительными чертами.

На сегодняшний день существует множество отдельных классификаций государственной власти, в рамках которых различают множество ее разновидностей власти, определить которые можно по различным основаниям: ее социальному характеру (способам господства социальных сил в обществе), территориальным масштабам деятельности органов государственной власти, задач и методов ее осуществления и т. д. [19].

Мы предлагаем различать государственную власть в нескольких пониманиях.

Во-первых, государственная власть — это, прежде всего, право и возможность государства в лице своих государственных органов и должностных лиц оказывать воздействие на судьбы, отношения и деятельность людей с помощью различных средств и методов [5, с. 152].

Во-вторых, государственную власть можно определить как базовое общественное отношение между людьми, их общностями и образованиями, обладающее свойствами верховенства, единства, всеобщности и универсальности, принудительности и общеобязательности.

В-третьих, следует сказать, что государственная власть может быть представлена системой соответствующих институтов и государственных органов, принимающих властные решения, позволяющие распоряжаться жизнедеятельностью самого общества, действующих в нем объединений людей и отдельно взятых граждан, направлять, контролировать и подчинять своей воле эту жизнедеятельность [19, с. 309—310].

В-четвертых, весьма справедливо и убедительно заметил В.Е. Чиркин о том, что «государственная власть — не только социально-политическое явление; с юридической точки зрения это также институт конституционного права, т. е. система правовых норм, регулирующих социальное явление — государственную власть с юридических позиций» [22, с. 117], обращая тем самым наше внимание на значимость государственности власти как юридической категории и необходимость ее законодательного закрепления в конституциях. С такой позицией трудно не согласиться, ибо прочность конституционного строя в существенной степени зависит от рациональности организации, прежде всего, государственной власти; кроме того, одна из главных функций любой конституции состоит в создании определенной системы органов государственной власти.

А теперь ответим на вопрос: почему государственная власть есть самая авторитетная и значимая из всех других видов власти. Здесь необходимо рассмотреть саму природу государственной власти, или ее признаки.

1. Государственная власть априори есть власть упорядоченная, причем организованная целенаправленно. Почти все ее коллективные субъекты, а также ее органы и учреждения, как правило, представляют собой не только и не столько объединения, сколько организации, но организации особого рода — властно-государственные организации, отличные от всех других.

Все ее элементы (субъекты, их деятельность и отношения, действия, высказывания, цели, объекты, средства, результаты и др.) целенаправленно соотнесены, упорядочены, соподчинены или скоординированы друг с другом.

2. Государственная власть возникает, существует, функционирует и развивается внутри государства как территориальной организации людей, которая осуществляется строго в пределах (границах) территории данного государства, а также ограничена им. Таким образом, государственная власть распределена как по всей территории государства, по всей его макротерритории, так и по определенным его субтерриториальным сегментам, частям, единицам, в которых она представлена ее субъектами [48].

3. Государственная власть действует от имени государства и нации, а также от имени общества и народа. Государственная власть, пишет В.Е. Чиркин, «как власть социальная, является не частной, как это, например, имеет место в семье, не корпоративной, как в организации, а публичной. Это — власть, действующая от имени всего общества» [21, с. 81]. Публичной она называется потому что, не совпадая с обществом, выступает от его имени, от имени всего народа, призвана выполнять общественные функции и решать общие дела.

Субъекты государственной власти, работники государственного аппарата должны выполнять свои функции открыто, т. е. публично. Действительно, государственная власть — это особый вид власти. И ее публичный характер логично убеждает нас в том, что власть государственная есть проявление публичной власти, это разновидность и способ реализации публичной власти.

Говоря о государственной власти как о публичной власти, следует, однако их различать:

Во-первых, по составу субъектов, обладающих соответствующими властными полномочиями. Непосредственными субъектами государственной власти выступают государственные органы власти, а круг субъектов публичной власти значительно шире, ими являются политические партии, общественные объединения, органы местного самоуправления.

Во-вторых, различие между государственной и публичной властью состоит в том, что они имеют разную сферу для реализации своих полномочий. Сферой действия государственной власти является собственно государство и пределы его власти. Власть государства распространяется на гражданское общество лишь в части установленных правовых норм, обеспечивающих нормальное его функционирование. А сферой реализации публичной власти выступают преимущественно представители гражданского общества. Публичная власть выходит за рамки гражданского общества только тогда, когда

необходимо воздействие на процесс формирования государственных органов или осуществление давления на них.

В-третьих, различие между рассматриваемыми видами власти состоит в методах, используемых ими для достижения поставленных целей. Оба вида власти используют достаточно широкий комплекс методов властного воздействия. Различие состоит в том, что субъекты публичной власти не могут непосредственно использовать метод государственно-властного принуждения, присущий исключительно субъектам государственной власти.

4. Власть государства универсальна, она может распространяться на все отношения, которые регулируются государством и правом и поддаются такому регулированию.

В свою очередь, мера всеобщности и универсальности государственной власти может быть различной: она может быть как минимальной, так и максимально возможной. Следовательно, государственная власть — это единственная власть, которая имеет отношение абсолютно ко всем лицам, проживающим в данной стране, и является для них общеобязательной властью.

Государственная власть обладает юридически и практически всегда фактическим верховенством в обществе, все другие виды власти по отношению к ней носят подчиненный характер. Государственная власть устанавливает рамки и границы деятельности других видов власти, определяет «правила игры», предметы ведения и полномочия для всех других видов публичной власти.

5. Суверенитет является качественной характеристикой государственной власти, а равно и государства. По мнению В.С. Шевцова, именно эта черта государственной власти «не интегрируется с какими-либо другими общественными властепроявлениями, а потому понятие «государственная власть» не включает в себя какие-либо негосударственные формы управления» [1]. Несмотря на происходящие в мире интеграционные процессы, понятие «суверенитет» продолжает оставаться центральной и основополагающей категорией государствоведения.

6. Государственная власть — это, как правило, власть легальная (узаконенная), основанная на праве, законах. Субъекты государственной власти и работники государственного аппарата не только уполномочены государством или его властными органами, не только обладают законным правом, но и по закону обязаны выполнять определенные властные функции.

На наш взгляд, говоря о легальности государственной власти, следует подчеркнуть то, что только такая власть именно узаконена

в использовании силы и других средств властвования в пределах своих границ государства: только государственная власть юридически уполномочена от имени всего общества применять легализованное и в большинстве случаев легитимное принуждение, иногда прямое физическое насилие.

7. Еще одна важнейшая особенность государственной власти состоит в том, что она проявляется в деятельности государственных органов и учреждений, образующих механизм (аппарат) этой власти. Видимо, поэтому государственная власть часто отождествляется с органами государства, особенно высшими. С научной точки зрения такое отождествление недопустимо. Государственную власть может реализовать сам властвующий субъект.

Таким образом, государственная власть — это особый вид власти, ее особое выражение: публичный характер государственный власти доказывает нам, собственно, то, что государственная власть есть в первую очередь проявление публичной власти, ее разновидность и способ реализации.

Список литературы:

1. Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации.— Москва: Зерцало, 2003.
2. Введение в политологию.— Москва, 1996.
3. Власть: очерки современной политической философии Запада. — Москва, 1989.
4. Вятр Е. Социология политических отношений / Пер. с польск.— Москва: Прогресс, 1979. — с. 158; Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2002. — с. 94—96; Чуланов Ю.Г. Политология: Учебник. Часть 1. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. — с. 67—68.
5. Глазунова Н.И. Система государственного управления: Учебник для вузов. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — с. 146—150; Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Юристъ, 2000. — с. 81; Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В., Шапсугов Д.Ю. Теория государства и права: учебник. — Москва: Изд-во МарТ, 2003. — С. 282.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. — Т. 1. — Москва, 1989.
7. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. — с. 277—281; Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. — Москва: Республика, 1999. — с. 32.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — Издательство «Азъ», 1992.

9. Халипов В.Ф. Основы кратологии. — Москва, 1995.
10. Фролов С.С. Социология: учебник. — Москва: Наука, 1994.
11. Чиркин В.Е. Современное государство. — Москва: Международные отношения, 2001.

СЕКЦИЯ 8.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ

Ковалёва Мария Владимировна

*студент 5 курса юридического факультета НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права,
г. Белгород*

Дечева Силвия Дечева

*студент 5 курса юридического факультета НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права,
г. Белгород*

Мамин Андрей Сергеевич

*канд. юрид. наук, доцент НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права,
г. Белгород*

По данным статистики, ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и в соответствии с установленным порядком признается «потерпевшим» [5]. Поэтому в настоящее время проблема повышения эффективности судебной защиты прав потерпевших в уголовном процессе особенно актуальна, поскольку в философии правосудия занимает важное [4].

Международные нормы права и законодательство России провозглашают человека, его права и свободы высшей ценностью. Поэтому государство обязано в полной мере реализовывать принципы, установленные международным правом, а так же, несомненно, гарантии неприкосновенности личности и собственности, защищать жизнь, здоровье и достоинство граждан в строгом соответствии с Конституцией Российской Федерации. Статья 52 Конституции устанавливает, что «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [3].

Потерпевший — центральная фигура уголовного процесса, поскольку именно его права и законные интересы задеты и нарушены преступлением. Очевидным является, что пострадавшие от преступной деятельности вместе с лицами, в отношении которых ведется уголовное преследование, больше других участников процесса нуждаются в эффективной защите их интересов и поэтому наделяются во многом совпадающими по содержанию правами. Однако, если для обвиняемого угроза его основным правам — на честь, достоинство, имущество, свободу, жизнь — исходит от органов уголовного судопроизводства, то об угрозе для пострадавшего можно говорить главным образом как об опасности совершения со стороны преступников, посягающих на его права. Поэтому, на взгляд авторов, очень важно не только правильно определить основания признания лица потерпевшим, но и момент такого признания. Чем раньше пострадавший от преступления может принимать участие в производстве по уголовному делу, используя предоставляемые ему процессуальные права, тем больше возможностей для обеспечения его прав, как нарушенных преступлением, так и составляющих процессуальный статус потерпевшего.

Защита интересов потерпевших от преступного посягательства лиц и организаций обозначены законодателем в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства — уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Однако, несмотря на то, что потерпевший, как уже отмечалось авторами, центральная фигура уголовного процесса, в настоящее время по многим процессуальным позициям потерпевший поставлен в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, что дает основания считать неполной реализацию и несостоятельность принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве и принципа состязательности. Регулируя статус потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства, законодатель учел конституционные нормы относительно прав лиц, пострадавших от преступлений, но при этом не удалось в полной мере реализовать принцип, заложенный в ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

Практика применения уголовно-процессуального законодательства показывает, что потерпевшему далеко не во всех случаях предоставляются достаточные правовые средства для защиты своих законных интересов, что не согласуется ни с Конституцией РФ, ни с международными правовыми актами в области прав человека.

По мнению авторов, здесь отмечается недостаточно-разработанная система правовых норм, которые реально обеспечивали механизм для их реализации и полной защиты прав заинтересованных лиц. По этой причине потерпевший, вовлеченный в уголовный процесс, обладает определенным правом, но не может им воспользоваться. В свою очередь обвиняемый имеет четко сформулированные в законе и применимые на практике, правовые средства и гарантии для защиты «любым, не запрещенным законом способом», что закреплено в п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Кроме того, несмотря на достаточно широкий круг лиц, имеющих право участвовать в судебном заседании об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, ч. 4 ст. 108 УПК РФ не указывает о возможности участия в судебном заседании потерпевшего.

В процессуальном отношении не каждый пострадавший становится потерпевшим — пострадавший от преступления приобретает статус потерпевшего только после вынесения надлежащим лицом постановления либо определения. Это закреплено в статье 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, *моральный вред*, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда» [6]. Тогда лица, признанные в установленном законом порядке потерпевшими по делу, вправе обжаловать решения, принятые органами дознания, предварительного следствия, не только прокурору, но и в суд. И тут кажется, что, по крайней мере, на законодательном уровне права потерпевших надежно защищены от возможного произвола государственных органов. Но практика говорит о серьезных нарушениях прав этой категории участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования. Причем, хотелось бы подчеркнуть, что таким нарушениям способствуют очевидные пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства [1].

Важным вопросом, остается защита лиц от самих представителей государственных органов. Всем понятно, что когда потерпевший вместе с представителями правоохранительных органов отстаивает свои права и законные интересы перед лицами, которые совершили против него то или иное преступление — это одно дело; совершенно другое дело — когда потерпевший защищает свои права от тех, кто по идее должны ему помогать в защите, которые по своему должностному положению обязаны и правомочны защищать его права.

Именно поэтому, как подчеркивают авторы, во всех случаях всем, без исключения, потерпевшим должна быть законодательно гарантирована обязательная и при необходимости бесплатная защита их человеческого достоинства, личной безопасности и конституционных прав, так как при ином раскладе говорить о какой-то правовой защите этой категории лиц будет невозможно [2].

На основании вышеизложенного, авторы делают выводы, что уголовный процесс и уголовно-процессуальное законодательство должны быть справедливым не только к лица, совершившим преступления, но и к лицам, пострадавшим от этих преступлений. Для этого необходимо урегулировать отношения не только между государством и обвиняемым, но и между обвиняемым и потерпевшим, а также между государством и потерпевшим.

Список литературы:

1. Громько А., Фирдман А. Нарушаются права потерпевших // Законность. № 11. 1997. // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.12).
2. Ибрагимов И.М. Понятие «потерпевший» в контексте уголовно-процессуального права. 2008 № 1 (80) // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.s67.php> (дата обращения: 21.10.12).
3. Конституция Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 18.10.12).
4. Почечуева О.С. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе // Адвокат. 2009. № 9.
5. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета// Федеральный выпуск № 4676 от 4 июня 2008 г.// [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html> (дата обращения: 21.10.12).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/> (дата обращения: 18.10.12).

ГРАНИЦЫ КОМПЕТЕНЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Ковалёва Мария Владимировна

*студент 5 курса юридического факультета НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права,
г. Белгород*

E-mail: Lioness1908@yandex.ru

Дечева Силвия Дечева

*студент 5 курса юридического факультета НИУ «БелГУ»,
кафедра конституционного и муниципального права,
г. Белгород*

E-mail: silvia14_12@mail.ru

Мамин Андрей Сергеевич

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент НИУ «БелГУ»,
кафедра административного и международного права,
г. Белгород*

Согласно Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения [3].

Статья 165, часть 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения [4]. В этом случае следователь или дознаватель в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в срок, предусмотренный частью второй настоящей статьи, проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае

если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 75 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации.

Юристам и гражданам Российской Федерации необходимо четко осознавать, при каких обстоятельствах следователю для вторжения в частную жизнь не требуется одобрения судьи. Данная необходимость обуславливается, прежде всего, тем, чтобы предупредить нарушения уголовно-процессуального закона со стороны органов предварительного расследования.

Что такое «исключительные случаи» в контексте данной статьи? «Исключительными» признаются случаи, когда органам предварительного расследования разрешается вторгаться в частную жизнь граждан без судебного решения [2]. Практика показывает, что процедура получения судебного решения часто растягивается на несколько дней — срок, за который заинтересованными лицами легко могут быть уничтожены любые доказательства. Это означает, что, если следственные действия не запланированы заранее и их необходимо провести оперативно, следователь (либо дознаватель) получает право на применение части 5 статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Следует отметить, что следователю зачастую приходится делать непростой вывод о целесообразности проведения следственного действия без получения судебного разрешения, его необходимости и, главное, допустимости. В данном случае решению следователя предъявляются такие требования, как: законность, нравственность, своевременность, обоснованность и реальность исполнения.

Важной составляющей законности следственного действия является:

- наличие возбужденного уголовного дела;
- принятие решения о проведении следственного действия специально уполномоченным на то должностным лицом (следователем, дознавателем), принявшим это уголовное дело к своему производству.

Отсутствие любой из вышеуказанных составляющих (даже при очевидной целесообразности проведения следственного действия) влекут его незаконность, а полученные доказательства будут считаться недопустимыми.

Своевременность тактического решения заключается в его принятии и реализации именно в тот момент, который диктуется условиями

следственной ситуации, когда принятие и реализация такого решения обеспечивают поступательное развитие процесса доказывания [1].

Обоснованность — это соответствие не воображаемому, а реальному положению дел, объективной информации о сложившейся ситуации. Решения и действия (бездействие) следователя должны совпадать с интересами взаимодействующих с ним оперативных служб, во всяком случае, им не противоречить.

Решение о проведении следственного действия должно быть исполнимым. Об этом качестве следователь должен позаботиться заранее, в противном случае оказанное ему противодействие при проведении следственного действия не позволит достигнуть намеченных результатов.

Анализ судебной практики за годы существования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации подтверждает, что если следователи провели следственные действия, затрагивающие частную жизнь человека и гражданина, без судебного решения и добились при этом положительных результатов, то опасаться специализированных форм и методов прокурорского надзора и судебного контроля не следует.

Анализ вышеприведенных положений позволяет выявить ряд проблем организационно-процессуального характера.

Во-первых, ограничения конституционных прав личности допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности конституционно значимым ценностям.

Во-вторых, конкретизация понятия «исключительность случая» пока ещё остается делом будущего, поскольку перечень следственных действий, которые могут быть проведены следователем без судебного решения не является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит. Хочется надеяться, что со временем практика внесет коррективы в данный императив, так как следователь должен иметь право на проведение любых следственных действий, которые затрагивают личную жизнь человека и гражданина, без судебного решения.

В-третьих, закон обязывает следователя в течение 24 часов с начала проведения следственного действия уведомить прокурора и судью о его проведении, приобщить к уведомлению копии постановления и протокола следственного действия. Возникает вопрос о том, как поступить следователю, если по техническим причинам он этого сделать не в состоянии. Сроки, указанные в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, не являются пресекательными, и прокурорский надзор и судебный контроль могут быть осуществлены в тот момент, когда для этого у соответствующих органов появятся технические возможности.

В настоящее время наличие технических возможностей позволяет следователю вовремя уведомить суд о возникшей необходимости проведения следственного действия и получить согласие или запрет на его проведение. Современный уровень технического развития позволяет своевременно предупредить прокурора и суд о начале проведения следственного действия, согласовать с ними время проверки законности его результатов.

Таким образом, анализируя ч. 5 ст. 165 УПК РФ через «вуаль» познаний в области юридической науки, содержащиеся в ней регламентации трудно отнести к разряду логичных и непротиворечивых. Остается надеяться, что «исключительность случая» — это не правовая утопия и что «следственные рамки» будут соразмерны конституционно значимым ценностям российского государства.

Список литературы:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособ. Москва, 1997. С. 181.
2. Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации Постатейный: Учеб. пособие. Питер, 2004. С. 298.
3. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. — 2009. — 21 января.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г. // Рос. газ. — 2001. — 22 декабря.

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Кузнецова Ирина Александровна

аспирант, кафедра уголовного права и криминологии

Юридическая школа Дальневосточного федерального университета

E-mail: Bhbyf78@list.ru

В настоящее время гуманизация, выступая объективной потребностью развития российского общества и государства, является главным направлением реформы российской уголовно-правовой системы. Поскольку обязательным для исполнения предписанием в сфере противодействия преступности является норма уголовного

права, в первую очередь, следует разобраться, каким образом принцип гуманизма нашёл своё отражение в уголовном законодательстве.

Являясь основными идеями правосознания, принципы уголовного права, имея устойчивый характер, образовав систему руководящих начал уголовного закона, наполнили своим содержанием всё уголовное законодательство. Сам факт декларации принципов в кодифицированном законе повысил их значение, их чёткое фиксирование обеспечивают единство и согласованность правовой системы, выполнение задач уголовного законодательства и являются основными критериями адекватности уголовно-правовых норм их социальным реалиям. Принципы находят своё выражение в содержании и реализации норм, что обеспечивает их единство, а чёткость каждой нормы предопределяет единое направление в правоприменительной деятельности. Это позволяет принципам быть действующими и защитить законодателя и правоприменительную практику от прямого влияния быстро меняющихся политических интересов. Нормативно закреплённый принцип гуманизма существует в модифицированном виде в большинстве современных государств.

К источникам, раскрывающим содержание и направления реализации принципов, в том числе и принципа гуманизма, в уголовном праве и уголовной политике Российской Федерации относят:

1. международно-правовые акты, ратифицированные парламентом, чьи требования явились правовым основанием закрепления в уголовном праве принципа гуманизма;
2. Конституция РФ, в которой заложены основы уголовной политики и которая, провозгласив приоритет прав и свобод человека и гражданина, объявив их защиту обязанностью государства, сделала идеи гуманизма ориентиром государства при принятии наиболее важных решений в каждой области деятельности и функционирования;
3. федеральные конституционные и федеральные законы. Безусловно, главная роль принадлежит Уголовному кодексу, основывающемуся на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права; только уголовным законом предоставляется уголовно-правовая охрана тех или иных общественных отношений;
4. указы Президента РФ, корректирующие при необходимости курс уголовной политики; также на него возложено полномочие на помилование, являющееся актом проявления гуманизма к осуждённому;

5. постановления Государственной Думы об объявлении амнистии, также являющиеся примером реализации принципа гуманизма, а кроме того, правовые акты, принятые на правительственном, ведомственном и межведомственном уровнях;

6. подзаконные акты, «закрепление принципов права в которых, стало частым явлением [2, с. 19]».

Основой современной уголовной политики России является Уголовный кодекс РФ 1996 г., с последующими изменениями и дополнениями [13]. Именно он впервые законодательно закрепил и сформулировал принцип гуманизма, что явилось прогрессивным шагом. Уголовный кодекс РФ чётко зафиксировал в своей структуре и содержании норм идеологический поворот к выдвиганию вперёд задач охраны общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, в частности, права на жизнь, неприкосновенность личности, жилища, собственности, тайны межличностных отношений, свободы политических убеждений. Это нашло отражение в существенных основах кодекса, в построении его структуры, установлении приоритетных задач и средств уголовно-правового воздействия. Общая часть Уголовного кодекса, включающая содержание основополагающих принципов уголовного права, в том числе и гуманизма, влияет на построение Особенной части, где в иерархии общественно опасных посягательств приоритет отводится запрету посягательств на жизнь и здоровье граждан, на их имущественные интересы, на неприкосновенность личности. Таким образом, в сфере действия права принцип гуманизма проявляется в закреплении посредством закона отношений между обществом, государством и человеком.

Следовательно, став составной частью каждой уголовно-правовой нормы, принцип гуманизма является не декларативным, а практически действующим. Он участвует в охране общественных отношений, воплощая в жизнь идеал гуманного общества, придавая целенаправленный характер деятельности субъектов уголовно-правовых отношений; при этом воздействует на существенные отношения и через нравственность и через право [6, с. 112].

Принцип гуманизма имеет широкое отражение в нормах уголовного закона, он выражен специальной нормой (ст. 7 УК РФ) и имеет конкретную формулировку, чёткую и определённую форму. Подобное оформление принципа призвано бороться с формализмом в применении уголовного закона и задать ориентиры в правоприменительной деятельности. Пронизывая собой нормы уголовного закона, выражая их общую идею и направленность, он раскрыт законодателем в виде норм, выражающих основные требования этого

принципа. Такая регламентация не случайна. Например, суд, в отношении лица, совершившего малозначительное преступление, прекращает уголовное преследование, а в отношении лица, совершившего преступление представляющего общественную опасность, назначает наказание, причём руководствуясь принципом гуманизма, оно исключает причинение осуждённому физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Реализуемый системой уголовно-правовых норм, выражённых уголовным законодательством, принцип гуманизма проявляется в отношении всех физических лиц, находящихся на территории действия уголовного закона государства. Отчётливо принцип гуманизма проявляется во многих нормах Общей части УК РФ, предусматривающих в определённых случаях: возможность освобождения лица от уголовной ответственности и наказания; условное осуждение; условно-досрочное освобождение от наказания и т. д. Явно он отражается и в нормах Особенной части, где его осуществление означает отнесение к числу преступных и общественно опасных деяний только тех, которые представляют угрозу для безопасности человека, общества и с которыми необходимо бороться уголовно-правовыми средствами, в связи с невозможностью избавления от них с помощью иных правовых средств.

Ответом на рост преступности в обществе, на увеличение в её объёме доли наиболее опасных преступлений, усиление корыстных мотивов, распространённость особенно циничных проявлений низменной мотивации многих преступлений — является адекватное законодательное реагирование со стороны государства. Известно, что посредством принятия тех или иных уголовно-правовых норм, законодатель от имени государства определяет основные направления уголовно-правовой политики, используя при этом такие способы осуществления правотворчества в уголовном праве как криминализация, декриминализация, пенализация и депенализация.

В процессе криминализации либо декриминализации тех или иных деяний законодатель стремится к реализации ч. 1 ст. 7 УК РФ, т. е. к обеспечению объективных потребностей общества в уголовно-правовой охране общественных отношений. Недостатки уголовно-правового законотворчества, издержки криминализации либо депенализации, являющиеся результатами неполного учёта тех или иных факторов, ошибочного прогноза или несовершенства законодательной техники могут привести к двум противоположным, но одинаково нежелательным последствиям: пробельности в уголовной наказуемости или, наоборот, к её чрезмерности, избыточности.

На основе изучения социальной реальности уголовная политика определяет основания для криминализации и декриминализации тех или иных поступков людей, которыми принято считать достаточно разнообразные социальные причины, выявление которых включает законодательный механизм, направленный на создание или изменение конкретной уголовно-правовой нормы. Также необходимо отметить, что специфическим основанием для проведения криминализации либо декриминализации также является, к сожалению, реально существующее на практике — устранение ошибок, допущенных при проведении этих противоположных по сути способов.

В обществе постоянно идут полемика и дискуссия по вопросам криминализации и декриминализации общественно-опасных деяний, оценке их наказуемости. Среди правоведов, политиков есть сторонники взвешенного подхода к методам уголовной политики, а также сторонники как ужесточения уголовного закона, так и дальнейшей его гуманизации и либерализации. Эти тенденции имеют идеологическое и сугубо практическое обоснование.

Анализируя сферу наказуемости деяний Уголовного кодекса РФ 1996 г. по сравнению с Уголовным кодексом 1960 г., учёные-юристы отметили преимущественное использование законодателем метода пенализации перед депенализацией, ужесточение уголовной репрессии. Среди криминализованных деяний встречаются такие, которые были криминализованы без достаточных к тому оснований, по видимому, из преставлений, что с помощью уголовной репрессии можно решить любые назревшие социальные проблемы [14, с. 45]. Кроме того, по сравнению с Уголовным кодексом 1960 г., в новом УК РФ в редакции 1996 г. произошло существенное увеличение пределов срочного лишения свободы и сохранение смертной казни.

В сфере противодействия преступности с 2001 года идея гуманизации и либерализации стала центральной. Сторонники гуманизации уголовного законодательства, которые не могут позабыть о жестокостях тоталитарных режимов, считают, что гуманизация отвечает нравственным требованиям эпохи, гуманное наказание практически более эффективно [12, с. 33].

Ярким сторонником либерализации и дальнейшей гуманизации является Д.А. Шестаков, который признавая криминологическую ситуацию в России кризисной, выступает против удлинения сроков наказания и сохранения смертной казни. Он считает, что увеличение сроков лишения свободы способно привести к «формированию целого «народа», исчисляемого миллионами, находящегося в глубоком конфликте с обществом», также «ежегодное умерщвление

по приговорам судов нескольких десятков убийц не сможет хоть в какой-то мере изменить общую картину преступности» [15, с. 160].

В.П. Кашепов, имея ряд возражений по поводу отдельных моментов в вопросах проводимой государством политики в области гуманизации уголовного законодательства, в целом поддержал законодательные инициативы и отметил что, многообразные поправки в УК направлены на усовершенствование функционирования системы уголовных наказаний, с целью сделать их применение целесообразным, гибким, эффективным [4, с. 20].

Кроме того, проблема снижения уровня репрессивности норм УК приобрела особую актуальность в связи с международной тенденцией на гуманизацию уголовного законодательства, приведением в соответствие УК РФ с нормами отраслевого законодательства. В целях формирования благоприятного общественного мнения по принятым по инициативе Президента РФ федеральным законам, ведущим правительственным печатным изданием публикуются поддерживающие государственный курс статьи, разъясняющие, что «поправки призваны скорректировать сложившуюся правоприменительную практику, которая явно носит обвинительный уклон, сократить количество заключённых в тюрьмах на треть [8].»

Вместе с тем, среди юристов (И.В. Шмаров, Т.В. Кленова, Э.Ф. Побегайло, В.С. Овчинский, М.П. Журавлев, О.Н. Костина и др.) [3; 5; 7; 9; 10; 16] большинство высказывают категорическое несогласие с официально избранными приоритетами в уголовной политике, считая необоснованной декриминализацию и депенализацию деяний, так как они больше согласуются с либеральной идеей, предполагающей терпимое и снисходительное отношение к лицам, совершающим преступления. Кроме того, непонятно с какими новыми социальными реалиями связываются либеральные поправки в Уголовный кодекс, поскольку данные официальной статистики свидетельствуют о ежегодном росте обращений граждан с заявлениями о противоправных посягательствах. Несмотря на десятилетие, прошедшее с начала курса на гуманизацию и либерализацию, противников проводимой уголовной политики не становится меньше.

Все оппоненты, защищая свою точку зрения, оперируют к статистическим данным о состоянии преступности в России. Однако, если сторонники криминализации уголовного законодательства говорят о росте преступности, то сторонники проводимой политики, направленной на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства, утверждают, что «по оценкам экспертов, за последние 5 лет уровень преступности в стране сократился» [11].

Очень сложно в данной ситуации найти правду и понять, кто же прав, а кто целенаправленно искажает статистические данные.

Последние десятилетия процессы криминализации и декриминализации деяний, постоянно сменяют друг друга. Представляется, что ужесточение уголовно-правовых санкций за те или иные преступления не опасно, если оно сбалансировано и социально-криминологически обусловлено. Главное, чтобы в целом не изменился ориентир на гуманизацию уголовной политики как важнейшее условие обеспечения безопасности личности.

Направленность уголовной политики на гуманизацию стала стабильной тенденцией: по многим преступлениям смягчены наказания, устранены более строгие или введены более мягкие виды наказаний, сокращены сроки наказания, введены альтернативные наказания, изменены институты уголовного права и т. д., а сокращение числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, стало самостоятельной задачей уголовной политики, однако, всякое расширение демократизации и гуманизации жизни должно идти параллельно с бескомпромиссной борьбой с преступными элементами [1, с. 36].

О том, что государство не забывает об этой задаче, свидетельствуют имеющие место отдельные акты усиления уголовной репрессии, направленные только на преступления, имеющие тенденцию к их распространению и особую общественную значимость (преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицом в состоянии опьянения и др.)

Уголовный кодекс РФ будет ещё неоднократно меняться связи с быстро меняющимися социальными реалиями, а также с тем, что не все преобразования в системе и форме уголовного законодательства, организации применения наказания представляются безупречными. В литературе были подвергнуты критике допущенные в ходе реформ отступления от принципа системности уголовного законодательства, нарушения требований взаимосвязи уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, неоправданная казуальность в изложении объективной стороны некоторых составов, избыточность уголовного законодательства и др. Теоретический анализ результатов включения ряда новых норм в УК РФ, поспешного изменения и дополнения ранее действовавших установлений порождает немало проблем их согласования, необходимости их гармонизации с другими кодексами.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что хотя принцип гуманизма, содержание которого заключено в ст. 7 УК РФ, в юридической литературе определяется весьма широко, сфера реализации гуманизма ещё шире. Принцип гуманизма в уголовном праве реализуется, прежде всего, путём обеспечения безопасности человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ), а Уголовный кодекс представляет собой юридическую базу для сложной и ответственной работы правоохранительных органов по выполнению этой задачи.

Однако ситуация в обществе свидетельствует, что правоприменитель не готов в полном объёме применять на практике принцип гуманизма уголовной политики. Это связано отчасти с тем, что гуманизировать уголовное законодательство власти заставляет не объективная потребность развития российского общества и государства, обусловленная закономерностями социально-экономического, политического, социокультурного, духовно-идеологического, правового характера, а в первую очередь, переполненность пенитенциарных учреждений страны и высокая коррупционная составляющая деятельности правоохранительных органов. Периодически принимая комплексные законопроекты, направленные на гуманизацию ряда положений законодательных актов уголовно-правового характера, законодательные органы не всегда подходят обдуманно к принятию решений по данному вопросу, часто используют Уголовный кодекс для решения сиюминутных проблем, что негативно сказывается на реализации гуманистических идей в области уголовного права.

Необходимо признать, что хотя указанные проблемы действительно ещё существуют в России, уголовно-правовая политика ускоренными темпами предпринимает все меры к их разрешению. Возможно, допускаемые ошибки на этом пути, являются результатом поспешности, поэтому двигаться по пути к оптимизации и гуманизации уголовной политики, приходится путём своих собственных ошибок и их исправления. Вместе с тем, многих ошибок можно избежать, если будет проведена криминологическая экспертная оценка изменений Уголовного кодекса РФ, а законодательным изменениям в уголовном законодательстве будут предшествовать научно-практические обсуждения с участием ведущих специалистов в области уголовного права и экспертов.

Список литературы:

1. Беляев Н.А., Орехов В.В., Прохоров В.С. и др. Уголовное право на современном этапе. Проблемы преступления и наказания. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского унив-та, 1992. — 604 с.

2. Бурганов Р.С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань. 2006. — 183 с.
3. Журавлев М.П., Журавлева Е.М. О принципах государственной политики борьбы с преступностью // Журнал российского права. — 2003. — № 4. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://lawlist.narod.ru/library/magazine/magazine_russian_pravo/2003/4.htm (дата обращения: 20.08.2012.).
4. Кашепов В.П. О проблемах гуманизации уголовного законодательства при его обновлении // Журнал российского права. — 2003. — № 6. — С. 15—23.
5. Кленова Т.В. Формирование судебной практики при нестабильной уголовной политике // Правовая политика и правовая жизнь. — 2004. — № 4 (17). — С. 46—56.
6. Коршиков И.В. Принцип гуманизма в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999. — 189 с.
7. Костина О.Н. Гуманизация без альтернативы. — 01.02.2011. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=56&cid=24&t=v> (дата обращения: 20.03.2011.).
8. Куликов В. Обратная сторона добра // Российская газета от 11 марта 2011 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.rg.ru/2011/03/11/kulikov-site.html> (дата обращения: 20.03.2011.).
9. Однобокий «гуманизм» Запись беседы с Владимиром Овчинским. — 07.04.2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.radiorus.ru>. (дата обращения: 20.03.2011.).
10. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 112—117.
11. РГ + Вести-24: Поправки в Уголовный закон — 25.03.2011. — [Электронный ресурс] — дата обращения: 10.02.2012. — URL: <http://www.rg.ru/2011/03/20/vesti-nakazanie.html>
12. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. В.Н. Кудрядцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. — М.: Юрист, 2005. — 540 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. на 31.10.2012) // СЗ РФ. — 1996. № 25. — Ст. 2954; СЗ РФ. № 28. — 3491; СЗ РФ. — 2003. № 50. — Ст. 4848; СЗ РФ. — 2009. — № 52. — Ст. 6453; СЗ РФ. — 2010. № 14. — Ст. 1553; СЗ РФ. — 2011. — № 11. — Ст. 1495; СЗ РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362; СЗ РФ. — 2012. № 10. — Ст. 1162; СЗ РФ. — 2012. № 43. — Ст. 5785.
14. Цветинович А.Л. Уголовная политика и законодательство // Вопросы уголовной политики: межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.Н. Тарбагаева, А.С. Горелика, А.В. Усс. — Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1991. — 186 с.

15. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 154—161.
16. Шмаров И.В. Уголовно-правовая политика и её влияние на формирование уголовного законодательства // Журнал российского права. — 1998. — № 6. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=7977> (дата обращения: 20.03.2012.).

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Ортиков Евгений Владимирович

*заместитель начальника отдела прокуратуры Чувашской Республики,
заочный аспирант Академии Генеральной прокуратуры РФ
г. Москва*

E-mail: ds4666@yandex.ru

Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ [5] в УПК РФ введен сравнительно новый для отечественного уголовного процесса институт — досудебное соглашение о сотрудничестве. Законодательное регулирование данного института, в том числе в части полномочий следователя и руководителя следственного органа, не лишено ряда недостатков, следствием которых являются возникающие проблемы в правоприменительной практике.

Процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве начинается с подачи подозреваемым (обвиняемым) соответствующего ходатайства. Несмотря на то, что ходатайство адресуется прокурору, подается следователю, который в течение трех суток с момента его поступления либо направляет его прокурору вместе с согласованным с руководителем следственного органа мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, либо выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства.

В случае вынесения следователем постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве оно может быть обжаловано

подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа.

В числе субъектов, кому может быть обжаловано данное постановление, не указаны ни прокурор, ни суд.

Как указывают А.Г. Халиулин, Н.В. Буланова и Ж.К. Конярова, «такое законодательное решение необоснованно ущемляет право участников уголовного процесса на обжалование, ограничивает возможность защиты их прав и противоречит правовому статусу прокурора как должностного лица со стороны обвинения, уполномоченного принимать решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [9].

Автор полагает, что и прокурор, и суд в случае поступления жалобы на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве полномочны их рассмотреть.

Предпосылкой к данному выводу, по мнению автора, являются положения ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4], ст. ст. 37 и 124 УПК РФ.

Что касается суда, то в соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [3]. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Это согласуется как с правилами ст. 125 УПК РФ, так и с положениями постановления Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком», в котором указано, что право на судебное обжалование не может быть ограничено [7].

По мнению З.Р. Агаева, ч. 4 ст. 317.1 и ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ противоречит статье 19 УПК РФ, согласно которой свобода выбора обжалования (ведомственный, судебный порядок, обжалование прокурору) является принципом уголовного судопроизводства и подтверждается сложившейся судебной практикой [1].

Представляется необходимыми изменения в ст. 4 ст. 317¹ УПК РФ и изложение ее в следующей редакции:

«4. Постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа, прокурору или в суд».

Однако необходимо учитывать, что и прокурор, и суд, могут реагировать или признавать незаконными лишь такие действия и решения следователя, которые нарушают какую-либо норму закона. Нормы, обязывающей следователя заключить с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве, не существует. Соответственно, сам по себе отказ следователя заключить досудебное соглашение о сотрудничестве нарушением закона не является.

При этом в случае нарушения закона, например, при вынесении постановления некомпетентным должностным лицом, отсутствии в нарушении ст. 7 УПК РФ мотивировки принятого решения, прокурор и суд вправе принять меры по устранению нарушений закона.

Противоположная ситуация наблюдается при рассмотрении жалобы на отказ следователя заключить досудебное соглашение о сотрудничестве руководителем следственного органа, который компетентен посчитать необходимым заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и обязать следователя вынести соответствующее постановление.

В случае удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого следователь выносит постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве и направляет его вместе с ходатайством прокурору.

Как следует из содержания ст. 317¹ УПК РФ, данное постановление в обязательном порядке должно быть согласовано с руководителем следственного органа.

Представляется, что в случае отказа руководителя следственного органа в согласовании постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, данное решение руководителя также может быть обжаловано прокурору или в суд.

В связи с этим автор полагает необходимым дополнить ст. 317¹ УПК РФ частью пятой следующего содержания:

«5. Отказ руководителя следственного органа в согласовании постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжалован подозреваемым или обвиняемым, его защитником прокурору или в суд».

При удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого прокурор заключает с ним досудебное соглашение о сотрудничестве.

Как следует из содержания ст. 317³ УПК РФ следователь приглашается прокурором для составления досудебного соглашения о сотрудничестве. В то же время данное соглашение следователь не подписывает. Из этого можно сделать вывод, что мнение следователя по поводу отдельных положений соглашения учитывается прокурором, но обязательным для него не является.

В случае отказа прокурора в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве постановление прокурора в соответствии с ч. 2 ст. 317² УПК РФ может быть обжаловано следователем, подозреваемым или обвиняемым, его защитником вышестоящему прокурору.

Нормы данной статьи права кого-либо из вышеперечисленных лиц на обжалование постановления прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в суд не предусматривает.

С учетом вышеизложенных положений представляется, что подозреваемый или обвиняемый, а также защитник вправе обжаловать вышеуказанное постановление прокурора в судебном порядке. Что касается следователя, то непосредственно его прав и свобод вынесенное постановление не затрагивает.

В связи с этим автор полагает необходимым изменить ч. 2 ст. 317² УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«2. Постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано следователем, подозреваемым или обвиняемым, его защитником вышестоящему прокурору, а подозреваемым и обвиняемым также в суд».

Как следует из содержания п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ следователь вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, то есть из буквального толкования данной статьи выделение в отдельное производство уголовного дела — это право, а не обязанность следователя.

Однако в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указано, что по смыслу

ч. 1 статьи 317⁴ УПК РФ, в целях применения судом предусмотренного статьей 317⁷ УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство [6].

На первый взгляд, из разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует, что следователь обязан выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Действительно, если в отношении одного обвиняемого уголовное дело должно рассматриваться в общем порядке, а в отношении других в особом, то суд не сможет рассмотреть дело ввиду существенных различий данных процессуальных форм.

Однако буквальное толкование положений вышеуказанного постановления Пленума позволяет сделать вывод, что выделение в отдельное производство уголовного дела обязательно только в целях применения судом предусмотренного статьей 317⁷ УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения.

Рассмотрим пример, когда обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, полностью исполнил взятые на себя обязательства, однако не согласен с квалификацией его действий органами предварительного расследования. В таком случае прокурор не вправе прекратить досудебное соглашение о сотрудничестве, однако и в особом порядке рассмотрение уголовного дела не представляется возможным.

Как следует из положений п.п. 15, 23 и 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» согласие обвиняемого с предъявленным обвинением является не условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а лишь условием рассмотрения дела в особом порядке [6].

По мнению автора, в таком случае при наличии в деле не прекратившего действия соглашения о сотрудничестве возможно направление уголовного дела в суд в отношении заключившего соглашение лица и его соучастников в одном производстве (при отсутствии, разумеется, угрозы безопасности сотрудничающего лица, его родных и близких).

Неоднозначен подход к существующей модели взаимоотношений следователя, руководителя следственного органа и прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

При принятии Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ [5], которым в УПК РФ был введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве, в официальном отзыве Правительства РФ предлагалось возложить функции по разрешению ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве, составлению досудебного соглашения о сотрудничестве, а также вынесению представления о соблюдении обвиняемым (подозреваемым) условий и обязательств, предусмотренных указанным соглашением на следователя.

В настоящее время авторы проекта федерального закона № 446626-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» предлагают исключить следователя из числа участников досудебного соглашения о сотрудничестве, предоставив право решать вопрос о заключении такого соглашения или отказывать в этом только прокурору [8].

По мнению И.Э. Звечаровского, «несмотря на то, что согласно п. 47 ст. 5 УПК следователь относится к стороне обвинения, его присутствие и роль в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, отведенные ему законодателем (ч. 3; 4 ст. 317¹ УПК) можно объяснить только одним — отсутствием у прокурора, который является единственным представителем со стороны обвинения при подписании такого соглашения (ч. 3 ст. 317³ УПК), процессуальных полномочий в части возбуждения уголовного дела и его прекращения» [2].

Автор полагает, что закрепленная в УПК РФ необходимость волеизъявления трех участников стороны обвинения, а именно следователя, руководителя следственного органа и прокурора, на заключение соглашения, вызвана особенностью процессуального статуса прокурора, обусловленного следующими причинами:

1. Сокращением объема надзорных полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия и утратой прокурором функции руководства уголовным преследованием на данной стадии уголовного судопроизводства.

2. Процессуальной самостоятельностью следователя в направлении хода расследования, выборе производимых следственных действий и тактики их проведения.

3. Исклyчительной компетенцией прокурора в решении вопроса о направлении уголовного дела в суд и уголовном преследовании в суде.

С учетом существующего баланса полномочий следователя, руководителя следственного органа и прокурора предложенный законодателем вариант представляется наиболее правильным.

Список литературы:

1. Агаев З.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве в России // Адвокат. — 2010. — № 9.
2. Звечаровский И.Э. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. — 2009. — № 9. — С. 14—16.
3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 // Российская газета. — 1993. — № 237.
4. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 8, ст. 366.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 26, ст. 3139.
6. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // Российская газета. 2012. № 156.
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «// Собрание законодательства РФ. 1999. № 14, ст. 1749.
8. Проект федерального закона № 446626-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ». Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL:www.duma.gov.ru.
9. Халиулин А.Г., Буланова Н.В., Конярова Ж.К. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. — 2010. — № 3. — С. 98—102.

«ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

05 ноября 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.11.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,75. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3